

Максим Шторм
ДОЧЬ ОБРАТНОЙ
СТОРОНЫ

Максим Штурм
Дочь Обратной Стороны

«Издательские решения»

Шторм М.

Дочь Обратной Стороны / М. Шторм — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502192-2

Обратная Сторона... Мир, где-то на границе нашего. Мир, где обитают чудовища, ожившие кошмары и магические существа. И именно в этот мир предстоит нелёгкий путь для Виты Волковой, которая до последнего не знала о своей настоящей родословной. Но Обратная сторона зовёт её. И только Эрик Кроу, Ходящий, сможет её туда перевести, выполняя тайное задание. Но всё ли так просто? Кто встанет на их пути, какие создания иного мира? И какова будет в конце награда? И вообще, кто такие Ходящие?!!

ISBN 978-5-00-502192-2

© Шторм М.
© Издательские решения

Содержание

Дочь обратной стороны	6
Часть 1	11
Часть 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дочь Обратной Стороны

Максим Шторм

© Максим Шторм, 2019

ISBN 978-5-0050-2192-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дочь обратной стороны

Пролог

- Дедушка, а откуда приходят кошмары?
- Кошмары?
- Ну да... Кошмары, ночные страхи, ужасы. Откуда они берутся?
- Ты думаешь, что в мире существует место, где страхи и кошмары живут? Хм...
- Наверно, дедушка. Ну... Не знаю! Мне кажется, что такое место должно сущ... существовать, но... Почему мы о нём ничего не знаем?
- Потому что это место, прибежище всех ужасов и плохих снов, находится не в нашем мире.
- А где?..
- На Обратной Стороне.
- На обратной стороне?
- Да, в мире чудовищ и самых жутких кошмаров, что только возможно представить.
- Дедушка, а чудовища бывают?
- Да.
- Правда-правда?
- Разумеется.
- И тоже в...
- Обратной Стороне. В мире вековой Тьмы.
- Дедушка, расскажи об этом мире! Ну пожалуйста!..
- Хм, я не думаю, что твоя мама обрадуется, узнав, что я пичкаю тебя на ночь глядя страшилками...
- Она ничего не узнает. Честно-пречестно! Ну, дедушка...
- Ладно-ладно, маленький приставака... Слушай. Когда-то, давным-давно... Хм, а ты уже выпил своё лекарство? Живо признавайся.
- Оно горькое, дедушка! И невкусное...
- Так... Всё ясно, негодник. И чтобы сказала на это твоя мама, а? Мало того, что заставляешь своего деда рассказывать всякие гадости, так ещё и не хочешь принимать прописанные врачами микстуры!
- Врачи могут ошибаться...
- Думаешь, что семилетний мальчик может знать больше о бронхите, чем дипломированный доктор?
- Но это же я болею, дедушка! А вовсе не доктор...
- Старик громко, с удовольствием, расхохотался и вытер узловатым пальцем выступившие на глазах слёзы. Прищурившись, он окинул съезжившегося под тёплым стёганым одеялом мальчика оценивающим взглядом.
- И в кого ты пошёл такой грамотный, малыш? – в голосе старика сквозили ничем неприкрытые забота и нежность.
- Наверно, в папу, – прошептал мальчик, натягивая одеяло до острого подбородка. Вид у мальчика был крайне нездоровый и болезненный: лихорадочно блестящие в полумраке комнаты карие глазёнки, свекольный румянец на щеках и сухая бледная кожа. Густые чёрные волосы обрамляли утопающее в мягкой подушке маленькое лицо.
- Возможно... Но, как бы там ни было, пока не выпьешь лекарство, никаких историй и сказок. И не надо на меня так жалобно смотреть, молодой человек.
- В небольшой комнатке, щедро отапливаемой уютно гудящей печкой, было жарко. Очень жарко. Сидящий в кресле подле кровати мальчика старик порядком взмок. Однако он даже

и помыслить не мог о том, чтобы подойти к окну и открыть форточку. Вместо этого старик, крикнув, поднялся и, прошаркав к печке, подбросил в яростно полыхающий зев одно из припасённых поленьев. Его внуку необходимо тепло, он должен как следует согреться. А на дворе не май месяц. Как-никак середина февраля. И конец зимы выдался на редкость холодным. Морозы под тридцать градусов прочным ледяным панцирем сковали все окрестные речки, превратили сугробы в неприступные бастионы и скрипуче рисовали на стёклах окон затейливые узоры.

Если бы кто-то рискнул этой холодной неприветливой ночью преодолеть снежные заносы и пройти в самый конец окраинной улочки, то наткнулся на небольшой, сложенный из тесаного камня и укрытый толстым слоем снега домик, с дымящей подобно паровозу печной трубой. И если бы этот кто-то смог найти узкую, очищенную от снега тропинку, он бы приблизился к домику вплотную. И, возможно, смог даже заглянуть в одно из тускло освещённых приглушённым светом керосиновой лампы окошек. Ему оставалось лишь подышать на затянувшую оконное стекло пелену изморози, потереть и заглянуть в комнату. И он бы увидел, как высокий крепкий старик с обильно тронутыми сединой тёмными волосами склоняется над придвинутой поближе к печке кроватью. Старик протягивает приподнявшемуся на локте маленькому мальчугану ложечку с каким-то питьём. Мальчик послушно глотает, смешно морщится и откидывается на подушку. Старик заботливо поправляет сползшее, было, с кровати одеяло и прикладывает большую ладонь ко лбу мальчика...

Но в эту морозную, бликующую яркими звёздами и отражающими их свет хрустальными гранями снега, ночь никто не желал бесцельно бродить по улицам. И тем более подходить к этому, в общем-то, заурядному, равно как и десятки других, домику. А зря.... Этот кто-то мог услышать уйму интересного. Он мог услышать рождение Истории. Истории, начало которой было способно изменить многое. Не всё, но жизнь некоторых людей. А это, согласитесь, уже не мало. Этот несостоявшийся ночной гость мог услышать то, о чём многие позабыли, а некоторые и не догадывались...

Вытерев ложечку чистым носовым платком, старик кивнул и бодро произнёс:

– Ну вот и молодец. Настоящий мужчина. Все твои знакомые девочки могли бы тобой гордиться.

Мальчик скривился, как будто неприятная для него процедура с лекарством повторилась.

– У меня нет знакомых девочек, дедушка. Я с ними не дружу...

– Почему? – удивлённо вскинул мохнатые брови старик, усаживаясь обратно в кресло.

– Они все противные, – сделав «большие» глаза, поделился с дедом мальчик. – Постоянно смеются и шепчутся за спиной...

– А ты не думал, что они так себя ведут, потому что ты им нравишься, и они хотят привлечь твоё внимание? – тонкие губы старика тронула улыбка. Улыбнулись и его порядком выцветшие, но всё ещё острые и пронзительные голубые глаза.

– Дедушка! – возмущённо пискнул мальчик. – Мы отвлеклись, деда. Ты обещал рассказать про Обратную сторону. И нам лучше поторопиться, пока мама не вернулась. Ей и вправду не понравится, если она услышит...

– Устами младенца глаголет истина, – вздохнул старик, складывая ладони на животе. Наклонив голову набок, словно к чему-то прислушиваясь, он на какое-то время замер. В комнате повисла зыбкая тишина, разбавляемая треском сгораемых в печке дров и морозным шёпотом кусающей стены дома ночи.... Мальчик затаил дыхание, с неммым восторгом и обожаемением глядя на деда, не желая нарушать этот миг священнодействия. Дедушка так всегда делал, прежде чем что-нибудь рассказать. Если он задумался, глядя перед собой затуманившимся взором и склонив к плечу голову, значит, скоро будет История.

– Давно это было. Очень давно. В ту пору, когда Землю населяли самые разные удивительные существа. Существа, обитающие на земле, под землёй, в воде и воздухе. И жили

все в дружбе и согласии, в гармонии с природой, что дала им жизнь и в мире друг с другом. И не было тогда промеж них зла и корысти. Не знал тогда никто, что значит Тьма, потому что все были созданиями Творца, а Творец даровал свои детям лишь Свет.

Но не бывает добра без зла, как не возможен и Свет без Тьмы... Никто уже не знает, когда это началось, и как первые ростки зла пустили корни в душах созданий Творца. Кто посеял первые семена Тьмы? Кем был этот безумец? Некоторые склонны утверждать, что во всём случившемся виноват родной брат Творца, имя которого было проклято ещё на самой заре времён... Иные думают, что в зарождении Тьмы виноваты младшие дети Творца – люди. Эти неуёмные, нетерпеливые, яростные создания, чей век скоротечен и недолог... И потому люди всегда стремятся достичь всего и сразу, не задумываясь о последствиях... Слепые, неразумные младшие... Одним словом – дети! Но зачастую именно в неокрепших восприимчивых детских душах и рождается Тьма. Зло живёт искушением, за счёт чужих жизней, подтачивая волю и разум порабощённых им. Толкая своих рабов на ужасные деяния.

Как бы там ни было, началась война. Чудовищная и кровопролитная. Война, нарушившая привычный ход вещей, война, едва не опрокинувшая мир в Бездну. Война, ужаснувшая Творца. Лик земли корчился в страшных мучениях, бурные реки вместо вод несли потоки крови, в пустынях вырастали горы, сложенные из черепов и костей. Гарь от сжигаемых трупов застила небо, на несколько лет погрузив мир в вечную мёртвую ночь. Брат шёл на брата, друг убивал друга, стёрлись границы между разумом и безумием, нарушились все моральные устои и принципы. Люди перестали отличаться от зверей, жители вод, лесов и гор рвали близких соседей на части... То было воистину страшное и ужасное время. Время, когда чётко обозначились рамки между Светом и Тьмой, добром и злом. И те, в ком было больше от Творца, очнулись, словно от кошмарного сна, осознав, что же они наделали... И разжали они скользкие от крови ладони, роняя затупленные клинки на обездоленную иссохшую землю. И обратили они лица к небу и открыли свои души и полились на них благодатные слёзы Творца, вымывая из сердец и мыслей гнев и ненависть...

– Дедушка... Мне страшно! – закутавшись в одеяло почти с головой, так что наружу выглядывал лишь кончик любопытного носа, заговорщицки прошептал мальчик. – Только никому не говори, что я испугался, как сопливая девчонка.

– Ну, на данный момент сопливый у нас всё-таки ты, – рассудительно сказал старик, протягивая внуку носовой платочек. Дождавшись, пока мальчуган послушно высморкается, старик откинулся на спинку кресла и усмехнулся. – В страхе нет ничего плохого. Не стыдно бояться. Важно не поддаваться страху, не позволить ему завладеть тобой. Страх сам по себе штука беспомощная и эфемерная, но не стоит забывать о том, что он, страх, является одним из зёрнышек Тьмы. Нельзя покоряться ему. С ним надо бороться. Всегда.

– Я буду. Обещаю, – приглушенно пробубнил из-под одеяла мальчик. – А что же было дальше, дедушка?

– А дальше... Дальше сам мир разделился на две части. И больше никогда не был таким, как прежде. Изменился мир, изменились жители, что его населяли. Дети Творца тоже... разделились. Так появились Светлые и Тёмные существа.

– Ты имеешь в виду добрых духов и чудовищ, деда?

Старик пожал затянутыми в тонкую клетчатую рубаху плечами.

– Что ж, можно и так сказать. Поскольку не все смогли прозреть. Некоторые так и остались под властью безумия. И они, и их потомки были обречены до скончания веков нести на себе печать зла и ненависти. Ненависти ко всему доброму и светлому, к тому, чего они лишились раз и навсегда. Да, малыш, с тех самых пор они стали зваться чудовищами, монстрами. И в новом, возрождающемся после войны мире, для них более не стало места. И они ушли.

В полумраке комнаты отчётливо блестели возбуждённые глазёнки зарывшегося под одеяло мальчика.

– А добрые духи? Что стало с ними?

– Похоже, привычка перебивать досталась тебе от матери, – проворчал старик, бросив мимолётный взгляд на настенные часы. – Вот скоро она вернётся с работы и всыплет мне по первое число, если услышит хоть слово.... А поскольку ты меня часто перебиваешь, я не успею закончить до её прихода. Терпение – это одна из добродетелей божьих, малыш.

– Я тебя не выдам, дедушка, – с придыханием шепнул мальчик. – Только продолжай, пожалуйста. Ну уж очень интересно, хотя и страшненько тоже...

– Так на чём мы остановились? А?

– На добрых духах! Они остались?

– Конечно остались! Куда же без них? Многие из первых детей Творца остались в нашем мире, вместе с людьми. Они живут среди нас. Просто мы их не видим. Но постоянно ощущаем их присутствие. Они везде и во всём, понимаешь? Это духи лесов, полей и гор. Это феи и эльфы, гномы и домовые, дриады и единороги.... В нашем мире осталось волшебство и магия, добрые сказки и прекрасные сны. Всё лучшее, что было в старом, первозданном мире. До Великой войны.

– И даже дух Рождества?!

– И даже дух Рождества, – с трудом спрятал улыбку старик, пытаясь выглядеть предельно серьёзным и собранным. – Так вот.... Мир поделился на две части. Невидимая граница установилась между мирами. Между нашим миром и другим. Тем, что нарекли Обратной Стороной. На Обратную Сторону перешло всё то, что выросло на щедро посеянных семенах зла – безумие, разрушение, ужас, кошмары, страх, а так же их носители. Те, кто изменился до неузнаваемости, отринув Творца и надев маску зла. Те, кому не суждено было стать прежними. И об этих существах лучше действительно не говорить. Особенно ночью и особенно с маленькими мальчиками!

Вжавшись в подушку, мальчик восторженно смотрел на замолчавшего старика. Вот уж точно никто не мог рассказывать такие занимательные истории, как его дед. Вот только мама почему-то всегда ругается, когда дедушка рассказывает ему сказки. Говорит, что ничему хорошему они не научат. Странно.... Разве могут сказки научить плохому? И ещё.... Мальчик нахмурился, неосознанно копируя манеру деда.

– Дедушка, но если всё зло ушло на Обратную Сторону, то почему в нашем мире так много плохого? Почему нам снятся кошмары, и почему мы боимся?

– Верно подметил, малыш. Да, зло ушло, но тень его осталась. Остались места, где семена зла слишком уж сильно укоренились в своё время. И наконец, создания Обратной Стороны много-много лет тому назад нашли способ проникать в наш мир, минуя границу. Зло, гонимое жаждой мести и разрушения, периодически навевается к нам. И, к сожалению, всё чаще и чаще. Обратная Сторона очень тесно соприкасается с нами. Она невидима, неосвязаема, но она рядом, достаточно протянуть руку....

Старик вытянул руку в направлении полыхающей печки. Отбрасываемая в свете горящей на столе лампы тень кривой изломанной линией заплясала по заштрихованной сумраком стене. Мальчик как загипнотизированный следил за вытянутой рукой деда, невольно ожидая, что вот ещё немножко и сухие узловатые пальцы уткнутся во что-то невидимое, упругое, в незримую пелену, делящую комнату пополам...

– Но мало кому дано заглянуть за эту границу. И совсем немногим даровано Творцом ходить между мирами.

– Дедушка, ты хочешь сказать, что некоторые люди могут попасть на Обратную Сторону? – едва не задохнулся от собственной идеи мальчик.

– Да. Это очень редкий дар. И встречается он не чаще, чем четырёхлистный клевер. В те времена подобных людей было больше, а сейчас их почти не осталось. Древние называли их Ходящими.

– Ходящими?..

– Ходящими. За способность ходить на Обратную Сторону. Запомни, малыш – потому в нашем мире столько зла, что чудовища могут, пусть не везде и не всегда, но могут проникать в наш мир, насылать дурные сны и проклятия. Это надо знать. А вот мы, живущие с этой стороны, лишены возможности путешествовать меж мирами. На это способны только Ходящие.

– А что делают эти ходящие?

– Ну... Ходящие ходят туда и обратно! Ха-ха! А ещё защищают людей и светлых созданий от зла по обе стороны границы. В этом их призвание и смысл жизни. Это их долг, как наделённых высшей благодатью Творца.

– Дедушка, я тоже хочу быть Ходящим! – так и подскочил с постели мальчуган, скидывая с худенького тельца стёганое одеяло. – Я тоже хочу убивать чудовищ и защищать людей!..

Старик поспешно положил свои крепкие широкие ладони на плечи мальчика и решительно уложил его обратно в кровать.

– Эх, ты разогнался, дружок! Убийца чудовищ, это ж надо. Вот узнает об этом мама, и она станет убийцей дедушек.

– Ты что, боишься её? – выдохнул мальчик. – Она ж твоя дочка! Это она должна бояться тебя. И слушаться.

– Пока что ты слишком плохо знаешь женщин, – улыбаясь, сказал старик. – Ну всё, хватит, пожалуй, на сегодня. Тебе надо постараться заснуть. Час уже поздний. И я хочу, чтобы, когда вернётся твоя мама, она слышала не наш разговор, а твой спокойный храп.

– Я не храплю, дедушка! Я Ходящий!.. Расскажи ещё, ну пожалуйста!..

– Всё-всё, на сегодня больше никаких сказок. Спать и точка. Убивать монстров будешь во снах. Во сне можно победить кого угодно. Любой, даже самый страшный кошмар, что приходит с Обратной Стороны.

– Почему?

– Потому что во сне ты дома, на своей территории. А дома и стены помогают. Стены твоего разума. Запомнил?

– Ага... Но больно мудрено как-то... Ой, чуть не забыл, дедушка!

– Ну что, неугомонный?

– А как звали брата Творца? Ну, того, что якобы развязал войну и посеял семена зла на земле?

Старик замер, словно опять что-то услышал. Повернул голову к окну и на секунду смежил веки. Ночь была тихой, безветренной, без единого шороха, и мальчик мог поклясться, что дед слушает воспоминания...

Повернувшись к внуку, старик наклонился и прикоснулся губами к сухому воспалённому лбу мальчика.

– Спи, малыш, спи.

– Ну деда...

– Его звали Хаос. А теперь спи. Всё, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, дедушка, – мальчик улыбнулся и повернулся на бок, подтягивая к животу коленки. Хаос... Какое странное имя... Но мальчуган знал, что оно означает.

Разрушение.

Широко зевнув, мальчик закрыл глаза. Видения, одни ярче и причудливей других, тут же набросились на его гаснущее сознание. Он засыпал, всё глубже проваливаясь в подкравшийся сон. Он заснул, и ему приснилась волшебная сказка. Самая добрая и светлая. Лучшая на свете. И он не боялся.

Часть 1

Корин в нерешительности остановился. Перед ним, теряясь в наползающих сумерках, простиралась чёрная, безбрежная гладь озера. Вода в нём была настолько чёрной, что даже покрывающая озеро корка толстого монолитного льда и та была тёмной, как вороново крыло. Чёрный лёд, скрывающий под собой добрых два десятка футов холодной мрачной глубины. Корин не боялся провалиться и ухнуть с макушкой под воду. Он знал, что в это время года лёд на Чёрном озере наиболее прочен и способен выдержать куда больший вес, чем субтильный тощий юноша в поношенной одежде с небольшой котомкой за плечами.

Корин боялся, что не успеет вернуться в деревню до окончательного наступления ночи. Он и так сегодня зашёл слишком далеко. Не стоило ему углубляться в лес. И ведь понимал же, что стемнеет очень рано, а на обратный путь всегда уходит больше времени. Натруженные ноги слушаются с большой неохотой, а продрогшие пальцы норовят свернуться калачиком в давно прохудившихся, не раз штопанных валенках. Корин порядком продрог и устал, изо рта вырывалось надсадное дыхание, превращавшееся на морозном стылом воздухе в облачка белесого пара. Он спешил домой. И надеялся успеть переступить границу Тёмного Удела до того, как на ночном небе взойдёт полная, отливающая багрянцем луна.

Он знал, что если пойдёт напрямик через озеро, то здорово сократит себе дорогу. Но путь по скользкому, местами покрытому тонким слоем обманчивого подлого снега, льду имел один существенный недостаток. По льду Корин не сможет при всём желании двигаться с прежней скоростью. Лёд – это не проторенные в сугробах дорожки и не надёжная земля. А если не приведи Творец, он всё-таки замешкается и не успеет, и ОНИ учуют его, когда он будет на середине озера? Что тогда? Корин сдвинул на затылок вязаную шапку и невесело шмыгнул покрасневшим распухшим носом. Он будет обречён. Вряд ли он успеет добежать до поросшего густым камышом берега и спрятаться. Да и то, начистоту говоря, камыши слабая защита от НИХ. Кого он обманывает... Если ОНИ учуют тебя в ночь, когда на небе сияет полная луна, то тебя уже ничто и никто не спасёт. Прячься не прячься, но тебя выследят. Выследят и убьют. Корин натужно сглотнул. В последнее время ОНИ стали невероятно опасны. ОНИ даже набрались наглости подходить к окраинам Тёмного Удела. Раньше такого не было. Даже во время полной луны ОНИ не покидали лес. Но несколько месяцев назад всё изменилось. Корин поневоле задумался, когда же ИХ впервые приметили на подступах к деревне... По всему выходило, что уже год почти как. Юноше иногда казалось, что ИХ что-то влечёт в деревню. Что-то манит. И не только запах живой, бурлящей в венах человеческой крови.

Натянув шапку на уши, он смерил кажущееся безграничным ледяное пространство Чёрного озера и, сплюнув, сделал первый шаг. Споря с самим собой, он только теряет время. Хорошо, что его не видит отец. Иначе бы Корин уже выхватил по самые не хочу. Пространственные размышления и внутренние диалоги в Тёмном Уделе не приветствовались. Все жили по принципу – меньше рассуждай, больше делай, авось и проживёшь подольше. А много думать вредно для здоровья в самом прямом смысле этого слова.

Может поэтому у него и не срастается с девчонками? Потому, что он слишком много думает? Думает вместо того, чтобы действовать? Пытается найти общую нить для разговора, нащупать тему, интересную собеседнице.... Дурак он всё-таки. Другие парни в таких случаях, вместо пустопорожней брехни, предпочитают шуровать грязными потными ладонями под юбками попискивающих в притворном смущении девиц. К слову, зачастую таких же грязных и потных. Проклятье! Мысленно дав себе могучего пинка, Корин зашагал гораздо быстрее, при этом не забывая аккуратно ставить ноги и опираться на всю ступню разом. Поскользнуться и упасть, да ещё и умудриться вывихнуть себе ногу хотелось меньше всего. М – да.... Пожалуй, его знакомые в чём-то и правы. Он слишком много думает.

Корин успел проделать большую часть пути, несколько минут назад пройдя середину озера. Лесная чащоба осталась позади за спиной, а впереди уже можно было различить загорающиеся во мраке огоньки внезапно ставшей такой родной и близкой сердцу деревни. В воздухе разлились сочные запахи сгораемых в печках душистых смолистых дров. Глаза юноши уже различали на фоне почерневшего неба пыхтящие сизым дымом печные трубы. Голубые глаза Корина защипало. Он едва не заплакал от отчаяния и бессилия. Он всё-таки не успел. В том-то всё и дело, что огоньки в окошках стали так отчётливо видны, потому что светились в сгустившейся тьме. Корин едва не остановился, но, сжав зубы, заставил себя ещё быстрее передвигать ногами. Идти было скользко, снег так и норовил вырвать у него из-под ног ледяную твердь, но Корин упрямо двигался вперёд. Он проморгался, слишком поздно заметив, что вокруг разливается серебристое мертвенное море, подсвечивая чернильную гладь скованного льдом озера. В глотке юноши моментально пересохло. Несмотря на мороз и зимнюю одежду ему стало жарко. Чертовски жарко.

Ночь застала его в пути, когда до озёрного берега оставалось немногим более сотни шагов, а до спасительной границы Тёмного Удела около трёхсот. На чёрном небе тускло засияла огромная луна, словно в насмешку услужливо озаряя Корину дорогу.

Он едва не сорвался на быстрый суетливый бег и с большим трудом сдержал сами собой рванувшие с удвоенной скоростью ноги. Спокойно, спокойно, судорожно выдохнул сквозь стиснутые до боли зубы Корин. Он почти дошёл. Тонкая корочка снега вкусно хрустела под валенками, обжигающий морозный воздух, разойдясь не на шутку, кусался за щёки и нос. Перед напряжённо вглядывающимися вдаль глазами маячила стена высокого густого камыша. Главное, добраться до берега. Дальше он выйдет на тянущуюся из деревни к лесу дорогу и побежит. Так побежит, как не бегал ещё никогда в жизни. И уж тогда его никому не догнать. Даже ИМ. И пусть луна сколько ей угодно смотри ему вдогонку. Губы юноши начали против воли растягиваться в торжествующей улыбке. Он уже представлял, как вбегает в деревню и мчится по заснеженным улицам к своему дому. Как взлетает на дощатое крыльцо, сразу перескакивая через все три ступеньки и стянув варежку, колотит кулаком в дверь, крича, что он вернулся из леса, что он успел, и что рисковал не напрасно, что он насобирав достаточное...

Темноту зимней морозной ночи прорезал высокий звериный вой, прозвучавший в нарушаемой лишь хриплым дыханием Корина тишине особенно жутко и уныло.

Душа Корина моментально ушла в пятки, подмышки вспотели, он споткнулся на ровном месте и едва не упал. Сердце подскочило куда-то вверх, под самое горло, грозя удушить. Корин захрипел и припустил изо всех сил, наплевав на ледяную гладь озера и скользкие подошвы валенок.

Он не знал никого, кто, услышав за пределами деревни лунной ночью ИХ вой, остался в живых. Говоря начистоту, шансов у него почти нет. А он уже размялся, слюни и сопли развесил. Дурак! Ну какой же он чёртов ДУРАК! Корин едва не зарыдал в голос. А потом...

Потом он-таки поскользнулся и упал.

Корин пропахал носом длинную борозду в покрывающем чёрный лёд тонком снежном насте и зашипел от боли, как рассерженный кот. Из глаз так и брызнули обидные слёзы. Он лежал, почти не дыша, боясь даже пошевелиться, чтобы неосторожным движением не выдать своего присутствия. Юноша понимал, что поступает глупо, поскольку на открытом пространстве под луной представляет из себя превосходную мишень. И к тому же ОНИ найдут его по запаху. Запаху страха и пота. Он всё знал и понимал, но заставить себя пошевелиться уже не мог. Он сильно устал и замёрз. И он очень сильно боялся.

Вой повторился. Жуткий, унылый, вгоняющий в сердце первобытный ужас. Корин невольно зажмурил глаза, распластавшись на льду, как выброшенная на берег медуза. Заплечный мешок неловко сбился во время падения и теперь давил ему на затылок. Но Корину уже было всё равно. Он задумался, можно ли бояться ещё больше, чем сейчас. Что будет, когда

ОНИ до него доберутся? Сможет ли он испугаться ещё больше? И сможет ли сохранить штаны сухими? Впрочем, сухость штанов к тому моменту не будет иметь равным счётом никакого значения. Вой повторился в третий раз. Уже совсем близко. В голосе невидимого пока зверя Корину послышался проснувшийся азарт. И ещё голод. И плохо скрываемое торжество. Так и есть. Они учуяли его.

Ему не уйти. Даже если бы он был полон сил и уже мчался со всех ног, а не валялся, уподобившись снулой рыбине, он бы далеко не убежал. Корин обречённо стиснул зубы, оттолкнулся варежками ото льда и опёрся на коленки. Уставившись вниз, Корин увидел, что снег покрывают какие-то бурые капли. Он стянул варежку и осторожно ощупал пальцами нос. Дёрнувшись, Корин негромко ругнулся. Эти бурые пятнышки были кровью, натёкшей из его разбитого носа. Стылый зимний воздух почти моментально заморозил кровоточащие ноздри и притупил боль. Корин с шумом задыхался через рот. Ночная стужа тут же обожгла горло, и он невольно закашлялся. Поспешно прикрыв рот, Корин застыл.

Он услышал шаги.

Кто-то шёл по льду, приближаясь к нему со спины.

И этот кто-то его не боялся. Похоже, он не боялся никого.

Даже ИХ.

Почему Корин так решил? Да потому что неизвестный приближался спокойной размеренной поступью, не спеша и уверенно. Как человек, знающий, что ему нечего бояться. Или... Юноша нахмурился, не отваживаясь, однако, обернуться и посмотреть. Или как несчастный недотёпа, не подозревающий, чем грозит лунная зимняя ночь в окрестностях Тёмного Удела для одиноких припозднившихся путников.

Шаги приближались. Корин облегчённо перевёл дух. Недотёпа там или нет, но звук шагов был явно человеческим и одно это уже радовало. ОНИ ходили не так. Шлёпанье лап по льду заметно отличается от звука сапог, со скрипом давящих снег.

Корин одним рывком вскочил на ноги и суетливо поправил котомку, подтянув переброшенный через плечо кожаный ремешок. Он по праву гордился своей котомкой. Она была из прочной непромокаемой парусины с ремнём из настоящей кожи. Мало кто из детей в деревне мог похвастаться подобной роскошью. Котомку ему подарил в прошлом году отец, когда понял, что его сын достаточно вырос и сможет сам, без сопровождения взрослых ходить в лес. Тогда Корина распирала гордость. Ещё бы, отец буквально признал его мужчиной. Сейчас же Корин почему-то чувствовал себя донельзя жалким и потерянным...

Шаги прекратились. Некто остановился. Корину стало не по себе. Он сквозь куртку и растянутый, достигающий бёдер свитер чувствовал, как его спину буравит тяжёлый, под стать шагам, изучающий взгляд. По спине юноше потекла струйка пота. Что ж, если он выберется из всей этой передряги живым и невредимым, простуда ему обеспечена. Он стал мокрым, как угодившая в лужу мышь. Для мороза он превратился в лёгкую добычу. Как и для НИХ. Но, может не всё так плохо? Вдруг этот человек, кем бы он ни был, послан Творцом, чтобы спасти его, непутёвого юнца?

Дивясь собственной храбрости, Корин крутанулся на пятках, поворачиваясь к молчаливо замершему человеку и... Чуть было повторно не шлёпнулся на лёд.

ТАКОГО Корин не видел ни разу в жизни. И, собственно, не представлял, что когда-нибудь увидит. Для юноши, никогда не покидающего пределы родной деревни и окрестностей, подобное зрелище могло привидеться разве что во сне. Нигде и никогда, даже в изредка навещающихся в Тёмный Удел ярмарках и бродячих балаганах он не видел подобного. Человек, что неподвижно замер в нескольких шагах от него, был словно не от мира сего. По крайней мере, не от мира, в котором обитает он, поправил себя Корин. Кто знает, как выглядят люди в Великих Городах... Может, именно так, как этот человек?

Человек был высок, выше шести футов ростом, худощав и поджар. Длинные чёрные волосы падали на широкие плечи, оттеняя бледное вытянутое лицо со сжатыми в тонкую строчку губами, резко очерченными скулами и волевым подбородком. Впалые щёки и подбородок незнакомца покрывала недельная щетина. Призрачного лунного света вполне хватало Корину, чтобы рассмотреть странного человека во всех подробностях. У него были выразительные брови и острый ястребиный взгляд тёмных глаз. Сходство с ястребом усиливалось за счёт длинного прямого носа и хищного выражения самих глаз. Корину стало не по себе. На него ещё никто так не смотрел. От человека веяло такой мощью и силой, что хотелось упасть перед ним на колени. Корин понял, что незнакомец очень, очень опасен. Нет, это не глупый недотёпа. Он действительно настолько уверен в себе, насколько выглядит.

Юноша растерялся. Он, право, не знал, как себя вести. Корин догадывался, что в сравнении с этим человеком выглядит последним оборвышем. В своих-то латаных валенках и драной куртке!

– Привет.

У Корина чуть ноги не подкосились. Чтобы такой представительный господин да первый с ним заговорил? Да ещё так запросто? «Привет» ... И вполне нормальным, лишённым повелительных и высокомерных ноток голосом, каким приветствуют равных себе! Корин ушам своим не поверил.

– Э-э-э.... Вечер добрый, господин...

Незнакомец издал негромкий смешок, словно его изрядно позабавили слова Корина. Губы высокого мужчины искривились в полуулыбке. Корин подумал, что вряд ли этому ночному страннику больше тридцати лет.

– Меня зовут Эрик. Ты часом не из Тёмного Удела родом?

Корин несколько секунд тупо таращился на него, понимая, что и взаправду выглядит вылитым деревенским дурачком!

– Да, господин. Именно оттуда. Я живу в Тёмном Уделе вместе с отцом, матерью, Джесси и Лиром. Это мои младшие сестрёнка и брат, господин...

Незнакомец, скрипнув кожей перчаток, заложил большие пальцы за широкий, проклёпаный ремень. Корин подумал, что, должно быть, этот ремень стоит больше, чем их семейный дом вместе со всем барахлом и нищенскими сбережениями, спрятанными в кладовке под половицей. Отец почему-то думал, что Корину неизвестно местоположение их «запаса на чёрный день».

– Вон оно как.... Что ж, будем считать, что мне повезло. Не проводишь, приятель? Поможешь найти приличный постоялый двор? За мной не заржавеет.

– П-почту за честь, господин, – начал заикаться Корин, мысленно проклиная свою робость. Ну уж очень важным выглядел этот мужчина. И.... И он был воином. Иначе и быть не может. А кем ещё может быть человек, таскающий за плечами такой здоровенный меч?

На черноволосом темноглазом человеке был длинный, до пят, плащ из чёрной скрипучей кожи, со стоячим воротником, с массивными серебряными пуговицами вдоль ворота и на обшлагах рукавов. Так вот, за спиной у него был меч, чей кончик был вровень с нижней полкой плаща, а крестообразная рукоятка выглядывала из-за правого плеча. Корин ошарашено прикинул, что такой меч должен весить чертовски много. Пожалуй, сам Корин не смог бы такую штуку и от земли оторвать. Но воин, судя по всему, не испытывал никаких трудностей, словно за спиной был не тяжеленный меч, а лёгкая камышинка. И ещё Корин подумал, как же этот человек вытаскивает свой меч из невидимой ему перевязи, при такой-то длине клинка? У юноши от всплывающих одного за другим вопросов пошла кругом голова.

В чувство его привёл полный злобы и жажды крови дикий вой, острым ножом резанувший по ушным перепонкам.

Совсем близко! Корин вздрогнул и затравленным зайцем умоляюще посмотрел на облаченного в чёрную кожу высокого человека.

– Нам надо бежать, господин! ОНИ почти настигли нас!

Юноша набрался смелости и кощунственно схватил незнакомца за рукав плаща.

– Если вам дорога жизнь...

Больше он не успел произнести ни слова. Из окружающей их ночи, словно из ниоткуда, абсолютно беззвучно вынырнули две приземистые гротескные тени. И только тогда Корин услышал ИХ тяжёлое дыхание, приглушенный рык, исторгаемый оскаленными клыкастыми пастями, и понял, что у смерти отнюдь не ангельский голосок.

ОНИ стремительно передвигались на двух задних лапах, лишь иногда припадая на передние, когда опускали уродливые морды пониже к земле, словно брали след... Две косматые грязно серые фигуры. Два обитателя Тёмного леса, называемые в Тёмном Уделе волколаками. Каждый месяц эти мерзкие твари, подчиняясь воле тёмных сил и полной луне, вставали на задние лапы, отчасти принимая облик и подобие человека, и отправлялись на охоту. За человеком. И если кому не повезло задержаться в лесу после восхода луны, то он мог с ходу зачислять себя в покойники. От людей-волков невозможно было скрыться. А в последнее время они осмелели и обнаглели настолько, что стали по ночам подкрадываться к самой деревне. Среди жителей Тёмного Удела уже давно повис в воздухе невысказанный вслух вопрос – а что, если волколаки, рано или поздно, начнут ломиться в дома? Но этот вопрос так и оставался не озвученным. Ни у кого не хватило духу задать его. Уж больно страшным он был по своей сути...

Корин за всё время, проведённое в деревне, то есть всю жизнь, все семнадцать лет, так ни разу и не видел волколака вблизи. Теперь же, когда ему представилась прекрасная возможность наверстать упущенное, ему хотелось упасть на колени и забуриться лицом в лёд, закрыть уши и ничего не видеть и не слышать. Но он остался стоять на ногах, стоять замёрзшим изваянием с остекленевшими глазами и нелепо разинутым ртом. От парализовавшего все члены страха несчастный юноша даже не мог дышать, не то чтобы шевелиться.

Разумеется, тут бы ему и конец пришёл, и не осталось бы от него и косточек. Корин это отчётливо осознавал каким-то отдалённым, всё ещё способным внятно соображать участком мозга. Да, быть бы ему покойником...

Если бы не этот посланный ему на встречу Творцом человек в чёрном плаще.

Корин так и не понял, как незнакомец в скрипящей коже одним неуловимым для глаз движением выхватил из-за спины меч. Нет, не потянул из петли, при такой длине клинка это выглядело бы смешно и безнадежно, а... отстегнул что ли, как будто вместо перевязи за спиной ночного путника были приспособлены специальные защёлки для крепления меча...

Серебристое лезвие без малого шестифутового меча блеснуло в сумраке ночи раскалённой молнией. Ошарашенный Корин, не веря глазам, видел, что человек, представившийся Эриком, легко удерживает меч, обхватив удлиненную рукоять двумя руками и заведя клинок за спину, направив острием вниз, как бы защищая тылы. Всё это время он стоял на месте, не сдвигаясь ни на дюйм, но стоило волколакам с торжествующим рёвом броситься на него, как на наиболее опасную с виду жертву, он начал... Корин не знал, как описать это словами. Это было похоже на танец со смертью.

Взмахнув длинными полами кожаного плаща, Эрик словно растворился в стылom морозном воздухе, скрывшись в сумраке лунной ночи. Две оскаленные, полные кошмарных кривых клыков пасти с лязгом сомкнулись на пустом месте, когтистые лапы яростно впились в тонкий наст, оставляя на чёрном льду глубокие борозды. Вверх взлетело облако из снежинок и ледяного крошева. Над озером пронесся жуткий вой, исполненный разочарования и злости. Волколаки, слегка покачиваясь на задних лапах, завертелись как ужи на сковородке, зыряка полыхающими солнечно жёлтыми глазами... Вытянутые уродливые морды, в которых причудливо смешались человеческие и волчьи черты, казалось, выражали недоумение, чёрные носы

суматошно дёргались, пытаясь учуять запах исчезнувшего странного человека. Твари не могли понять, как это кто-то оказался быстрее их. Честно говоря, Корин тоже этого не понимал.

Когда они, наконец, поняли, было поздно. Эрик обрушился на них, как снегопад. Чёрные полы плаща развивались подобно крыльям огромной птицы. Меч с немислимой скоростью летал в его руках, нанося удары. Корин внезапно понял, что с ним что-то произошло, что он воспринимает всё происходящее как-то заторможено. Как будто Эрик и воюющие на все лады волколаки специально для него разыгрывали пантомиму, в тягучих замедленных движениях воплощая задуманную историю. Чтобы юноша ничего не пропустил. Наверно, так оно и было, иначе Корин сомневался, что смог бы вообще что-либо разглядеть в этой круговерти оскаленных клыков, сверкающих когтей и мерцании меча.

Описав в воздухе свистящую дугу, шестифутовый клинок падающей наковальней рухнул на плечо ближайшему волколаку, разрубив справа налево практически до бедра, пройдя сквозь шерсть, мышцы и кости как сквозь сугроб. На чёрный лёд вывалились дымящиеся вонючие внутренности. Завыв на протяжной высокой ноте, тонкой спицей дырявящей мозг, тварь упала на бок, забившись в судорогах. Не останавливая движения, Эрик молниеносно развернулся и отразил мечом бросок второго чудовища. За воющим не хуже волколака клинком протянулся веер кровавых капель.

От увиденного Корина чуть не стошнило. Парующая куча внутренностей источала смрадный отвратительный запах. Едва не распавшийся на две половинки волколак, дёргая задними ногами, наконец-то затих, прекратив визжать. Корин с шумом втянул в лёгкие обжигающе холодного воздуха, стараясь дышать ровно и глубоко. Его замутило, перед глазами поплыли какие-то тени, он вяло опустился на колени и, внезапно согнулся в три погибели в приступе сильной рвоты. Прощай, съеденная на обед краюшка хлеба, до свидания, выпитое тогда же парное молоко... И какие только мысли не приходят в его дурную голову, подумал юноша, сотрясаясь в спазмах рвоты.

Тут рядом с ним на лёд что-то тяжело шлёпнулось. Корин нехотя поднял глаза на неожиданный подарок судьбы и вновь уткнулся лицом меж коленками, немилосердно раздирая выворачивающийся наизнанку желудок. Да чем же это его тошнит-то? Желчью, что ли? Больше нечем. Рядом с юношей в луже набежавшей, не менее вонючей, чем потроха, крови лежала отсечённая голова второго волколака. Потухшие, похожие на жёлтые пуговицы глаза уставились в далёкое звёздное небо, обращаясь к породившей их безумие луне.

В ушах Корина стучали все кузни Тёмного Удела одновременно. Перед глазами всё плыли и плыли какие-то непонятные тени. Но хруст сминаемого под сапогами незнакомца снега он всё же услышал. У этого Эрика были довольно забавные такие сапоги. Высокие, кожаные, плотно облегающие голени, остроносые, на каблуке, с множеством ремешков. Корин бы полжизни отдал, чтобы обменять на такие же свои латаные валенки.

– Эй, дружок, ты как? – откуда-то сверху раздался хриловатый голос Эрика. – Поднимайся. Нам нельзя тут задерживаться. На запах дохлятины может сбежаться половина их чёртовой стаи. И мне тогда будет тяжело прикрывать ещё и твою задницу. Вставай же, ты держался молодцом. По крайней мере, не дал дёру. Если бы за тобой вдогонку кинулся один из этих ублюдков, то глядишь, мы бы с тобой уже и не разговаривали. А мне, поверь, не очень бы хотелось тащить в деревню твой труп.

Сильные пальцы, не особо церемонясь, сгребли Корина за шиворот, и вздёрнули на ноги. Вытерев рот краешком рукава, Корин с обожанием уставился на своего спасителя.

– Господин Эрик, огромное спасибо вам!.. Я.. Я не знаю, как вас отблагодарить... Я...

– Ты, как я посмотрю, паренёк грамотный и не путаешь палец с членом, – утвердительно произнёс Эрик, приглаживая длинные, до плеч, волосы. – Ты мне не должен ровным счётом ничего. И это... Завязывай с этой фигнёй по части «господина» и прочей раболепной ерунды.

Я Эрик. Просто Эрик. Ну, вообще-то моё полное имя Эрик Кроу, но слова Эрик при общении со мной будет вполне достаточно. Договорились?

Корин уже в который раз за последний час потерял дар речи. Нет, ну уж очень чудной этот Эрик! Таких людей Корин отродясь не видел. И разговаривает он как-то странно. Юноша с трудом его понимал.

Дружески похлопав Корина по спине, Эрик доверительно сказал:

– Так ты говоришь, что у вас на редкость чудесный постоялый двор, да? И кровати без клопов? Нет-нет, лучше не смотри в ту сторону. Тебе это крайне противопоказано, принимая во внимание твой никудышный вестибулярный аппарат. А эти твари здорово вас достают, да? Наверно, в последние месяцев десять особенно, верно?

Растерявшийся под словесным напором своего нового странного знакомца, Корин позволил отвести себя подальше от места схватки. Что ж, по крайней мере, они шли в правильном направлении, да и зловоние осталось позади... И Корин скромно умолчал, что никуда не убежал, потому что был не в состоянии. И... Корин чуть не упал.

– Откуда вы знаете? – он ошеломлённо уставился в тёмные глаза вышагивающего рядом Эрика. Рукоять меча вновь выглядывала из-за его правого плеча. – Откуда вы знаете, что ОНИ стали выходить из леса? И что именно...

– Меньше слов, больше дела, приятель. Шевели ногами, не останавливайся... Смышлёный ты парнишка, и сказать нечего. И что ты забыл в этой глуши? Ладно-ладно, не дуйся, вопрос то риторический... Я вообще много чего знаю. Или ты думаешь, что я оказался в ваших краях случайно? У меня, знаешь ли, нет привычки разгуливать по такой холодрыге, близ леса, кишашего низшими оборотнями, и спасать всяких безусых юнцов. Ты не задумывался, что заставило этих тварей выползти из своих нор?

– Задумывался! – с вызовом вскинул подбородок Корин, подтягивая ремешок сползающей со спины после хлопков Эрика котомки. – Их... Их как будто что-то манит. Что-то тянет волколаков в Тёмный Удел.

Эрик удивлённо вскинул чёрные брови.

– О, даже так?.. Ты меня всё больше и больше поражаешь, дружок. Ты прав, чёрт возьми! Их действительно тянет к вам. Но не что, а кто.

Корин остановился и недоумённо уставился на высокого мужчину.

– Вы это о чём?

– Да всё о том же, малыш. Ведьма у вас завелась. Она то и приманивает этих выродков.

Старейшина Фог добрых пятнадцать минут сидел в полном молчании, задумчиво жуя кончики вислых усов насыщенного пшеничного цвета. Иногда он отвлекался от этого наиважнейшего занятия, помогающего ему в стимулировании умственной деятельности, чтобы подбросить в печку пару-другую сосновых, остро пахнущих смолой поленьев. Мороз на дворе всё крепчал, а старейшина, несмотря на изрядный жировой запас и тёплую добротную одежду, видимо, был из разряда тех ещё мерзляков.

Когда Эрик Кроу уже начал склоняться к мысли, что его дородный оппонент законченный тугодум, Фог, наконец, соизволил отвлечься от жевания усов и заявить:

– С очень странными новостями вы к нам пришли, мастер Кроу. Очень...

– Не более странными, чем сложившаяся в Тёмном Уделе ситуация, – парировал Эрик, отхлебнув из любезно предоставленной хозяином дома кружки. Пиво в деревне варили не то чтобы хорошо, но довольно сносно. Эрику случалось довольствоваться и более гнусным пойлом.

– Так-то оно так, – тяжело вздохнул Фог, прикладываясь к своей кружке. – Поймите нас правильно, в Тёмном Уделе живёт народ очень простой и не любящий лишних осложнений. Нам не к чему проблемы...

– Да что вы говорите, старина! Невероятно возросшую активность низших вервольфов вы называете «лишними осложнениями»? Скажите ещё, что на всё воля Творца! Не вам ли знать, что Творец не заглядывал на Обратную Сторону уже много тысяч лет!

Фог поморщился, словно обнаружив, что вместо пива смакует ослиную мочу.

– Мы маленькие люди, мастер Кроу... Волколаки от сотворения мира обитали в Тёмном лесу. И если уж Творцу нет до нас никакого дела, то что нам остаётся? Мы не в силах, да и не вправе тягаться с политикой Больших Городов. Тут уж, извиняйте, на всё воля ИХ.

– Вы, как люди, относитесь к протекторату Союза Четырёх, – сурово поджал тонкие губы Эрик, отставляя недопитую кружку в сторону. – И никто, не Лорды, не Орден и даже не Клань не вправе вам указывать. Вы не нарушали перемирия. Чего вам опасаться? И то, что у вас происходит в течение последнего года, это уже часть большой политики. Вы, как старейшина, были обязаны поднять тревогу.

– Вы ещё совсем молоды, мастер Кроу...

– Моя молодость штука спорная и не имеет к нашему делу никакого отношения, – неприятно усмехнулся Эрик, положив затянутые в чёрные кожаные перчатки руки на столешницу. Длинные сильные пальцы выбили неторопливую дробь. – Или вы смеете усомниться в моей компетентности, старейшина? Смею вас заверить, что в данном случае ваше слово не стоит и ломаного гроша. И что я зашёл к вам лишь для проформы, из уважения, так сказать.

Фог поёжился. В жарко натопленной комнате ему внезапно стало очень холодно. От сидящего напротив него высокого худощавого человека, напоминающего хищного стервятника, за милю несло стужей.

– Извините, если показался вам неучтивым, мастер. Я всего то и хотел сказать, что...

– Я Ходящий, старейшина Фог, – тёмно-карие глаза Кроу нехорошо сощурились. – А вам известно, что это значит. Мой дар даёт мне право принимать самостоятельные решения при возникновении подобных, как вы там говорите?.. Проблем, да?

– Дар или проклятье, мастер? – тихо спросил Фог, впервые осмелившись встретиться взглядом с неожиданным утренним гостем. – И кто вам дал такое право?

– Хорошие вопросы, старейшина. Нет, правда. Я и сам, бывает, на досуге задаюсь ими. И знаете, что я вам скажу? Я никогда не относился к своей профессии, как к призванию. Я никого не просил наделять меня этим даром. Ни Бога, ни Дьявола... Я родился таким. И стараюсь извлечь из этого хоть какую-то выгоду. Для меня «спасение утопающих» всего лишь бизнес. Хороший бизнес, не скрою, поставленный на поток. Ладно... Засиделись мы с вами, дружище. А мне ещё работать и работать.

Скрипнув кожаным одеянием, Кроу поднялся из-за стола и, не прощаясь, направился к входной двери.

– Как вы найдёте её? – окликнул уходящего черноволосого мужчину Фог. – Как вы отыщите ведьму? В Тёмном Уделе проживает немало женщин. Так как вы её узнаете?

Обернувшись, Ходящий одарил хозяина кабинета белозубым оскалом, который с большой натяжкой мог сойти за улыбку.

– Ну вы же знаете, как меня называют люди?

– И нелюди.

– И они тоже. У меня стабильная репутация.

Открыв дверь, Кроу вышел на улицу. Порыв студёного вихря, успевший проскочить в комнату, набросился на присосавшегося к кружке с пивом старейшину. Но Фогу показалось, что с уходом Ходящего в его доме стало гораздо теплее.

Выйдя на улицу, Кроу поморщился от налетевшего колючего ветра, швырнувшего в лицо горсть мелких снежинок. Зима на Обратной Стороне (сюда он включал и осень) длится добрых полгода, что никогда не прибавляло ему настроения, когда он бывал здесь. А поскольку

бывал довольно часто, то ровно половину всего времени был вынужден мёрзнуть. Как будто здесь других «прелестей» не хватало! Сплюнув, Кроу поднял воротник плаща и, втянув голову в плечи, зашагал вдоль улицы, стараясь прижиматься к стенам домов в поисках затишка.

День был каким-то серым и неудобным. Было холодно и промозгло. Поднявшийся с утра ветер пронизывал до костей. Не спасал и длинный плащ. Ветер вкуче с морозом самая плохая комбинация из всех возможных.

Небо тоже было серым от затянувшихся всё видимое пространство туч. И дома здесь все были какими-то серыми. И люди. Да и весь этот Тёмный Удел был ещё той серой унылой дырой, ничем не отличавшейся от десятков других деревень, разбросанных вокруг территории Больших Городов, отделяя центр Обратной стороны от Безымянных пустошей. Подумать только, даже здесь остались неисследованные места! Белые пятна на карте. Кроу представить не мог, что в этом мире существует что-то, на что ещё не обратили взор Лорды или Орден. Те же Безымянные пустоши, например. Хотя... Кому они на хрен нужны, если не представляют собой ничего ценного. Зато во Внешний мир ИХ почему-то тянет, как будто им там мёдом намазано. Ха!

Серый снег, покрывающий каждую пядь серой земли и крыши приземистых серых домов. Серый мир, серый день, серые безликие люди. Люди, не смеющие и головы поднять. Но в чём их вина, в том, что они живут на Обратной Стороне? Кроу обошёл колоритную лужу выплеснутых кем-то из ближайшей двери уже начинающих подмерзать помоев. Ну, что он говорил? Дикость. Дикость и серость. Самое интересное в том, что Большие Города мало чем отличаются от таких вот удалённых деревушек. Всё тот же неповторимый позднесредневековый романтизм, мать бы его так. А ведь технология Обратной Стороны благодаря Внешнему миру достаточно продвинута. И не скажешь, что тут всё погрязло в варварстве и невежестве. Но... Политика. Политика одинакова везде, в любом из миров. И именно она решает всё.

Эрик миновал перекрёсток, пропустив перед собой гружённые дровами сани, и свернул на следующую улицу. Почувствовав спиной буравящий сквозь толстую кожу взгляд, обернулся. Возница ошарашено смотрел ему вслед. Кроу приветственно приложил два пальца к полям воображаемой шляпы. Вздвогнув, словно очнувшись от сна, возница торопливо пришпорил тянущую груз пегую клячу, и деревянные полозья саней с тоскливым скрипом заскользили по присыпанному снегом ухабам и колдобинам.

Усмехнувшись, Кроу поспешил дальше. Он уже давно привык, как реагируют на его появление многие люди, когда узнают, что он Ходящий. А в захолустье типа Тёмного Удела новости распространяются быстро. Уже к обеду все жители будут знать, что к ним пожаловал Ходящий и что он ищет ведьму. Что было бы крайне нежелательно, нахмурился Эрик, провозжая взглядом стайку закутанных в сомнительное тряпье беззаботно галдящих ребятишек, тащивших за собой санки. Детвора пронеслась мимо него, не обращая внимания ни на бьющий в лицо ледяной ветер, не на высокую мрачную фигуру в длинном кожаном плаще. И плевать они хотели на всяких там волколаков и ведьм. М-да, счастливая пора – детство...

На лице Кроу мелькнула тень улыбки. Детей он любил. Но никто из тех, кто знает его, не поверил бы в самую вероятность подобного проявления чувств со стороны Кроу. У него была стабильная репутация, да. Но репутация человека, прямо скажем, жёсткого и нелюдимого.

А вот и постоялый двор. Корин, это забавный парнишка, не соврал, когда сказал, что постоялый двор в деревне относится к разряду приличных заведений. То есть без клопов и без вероятности проснуться с перерезанным горлом или с пустым кошельком.

Поднявшись по скрипучим ступенькам, Кроу отряхнул с плаща снег, оббил сапоги о специально предусмотренную чистилку, и, толкнув двери, вошёл внутрь.

Войдя в тёплое, хорошо отапливаемое помещение, достаточно высокое, чтобы не цепляться головой о закопчённые потолочные балки, Эрик прошагал к пышущему оранжевым

огнём камину и, стянув перчатки, протянул к судорожно извивающимся языкам пламени озябшие руки. Пальцы у него всегда мёрзли, сколько он себя помнил.

Присев тут же за сколоченный из струганных досок стол, спиной к огню, Кроу неторопливо обвёл внимательным взглядом фактически пустой зал. Любителей пропустить стаканчик-другой не наблюдалось. Вечером будет так же. Всё понятно, с постояльцами сейчас не густо. А местные после наступления темноты предпочитают отсиживаться дома, чем слоняться по ночным улицам. На постоялый двор нынче никаким пивом не заманишь. Окромя Эрика, в обеденном зале находилась только парочка суровых на вид лохматых мужиков в расстёгнутых фуфайках, засевших возле ведущей на второй этаж лестницы и хлебавших из мисок жидкие щи. На Эрика лесорубы (а о роде их деятельности недвусмысленно говорили засунутые за пояса острозаточенные топоры) не обращали никакого внимания. Вот таких людей Ходящий уважал. Не суют нос в чужие дела, потому что своих забот хватает.

Спустя несколько секунд перед Кроу возникла внушительная фигура, подпоясанная засаленным фартуком. Хозяин постоялого двора. Кроу покопался в памяти и извлёк из глубин подсознания имя этого человека – мастер Бранд.

– Изволите подать завтрак, мастер Кроу?

– Пожалуй, да, – царственно кивнул небритым подбородком Эрик. – Яичницы с грибами и сыром будет вполне достаточно, приятель. Ещё хлеба. И пива бы не помешало. Но в разумных пределах, мне сегодня ещё предстоит работа.

Машинально кивнув, Бранд при слове «работа» как-то весь съёжился и уменьшился в размерах. Лесорубы перестали стучать ложками о деревянные миски бросили в сторону Ходящего настороженные взгляды. Кроу молча рассматривал выбеленную стену за широкой спиной трактирщика. Вот так всегда. Стоит ему упомянуть о своей работе, как у людей фантазия начинает бить ключом. Эрик слышал, что бывало, именем Ходящих некоторые пугали непослушных детей. Вот будешь баловаться, придет Ходящий и заберёт тебя... На кой чёрт Ходящим сдалось бы забирать непослушных детишек, молва особо не распространялась.

Подождав, пока мастер Бранд скроется в недрах кухни, Эрик сунул руку за пазуху плаща и нащупал во внутреннем кармане одну вещичку. Амулет был едва тёплым. Сунув нос за пазуху, Кроу протянул за серебряную цепочку, вытаскивая из кармана заключённый в серебряную оправу, красный как кровь камушек, размером с фалангу большого пальца. Внутри камешка едва вспыхивали тусклые искорки. Сжав губы, Кроу упрятал амулет обратно в карман. Ну что ж, ОНА определённо рядом, где-то поблизости, в пределах деревни. Но с таким же успехом ОНА могла находиться на луне.

Кроу был уверен, что ведьма будет скрываться до последнего, ни в коем случае не стремясь хоть чем-то проявить себя. Найти её будет не так уж и легко. Тёмный Удел отнюдь не самая маленькая деревушка. И как правильно подметил старейшина, женщин тут проживает более чем достаточно. Не может же он с амулетом обходить каждый дом! ОНА сразу поймёт, что у него есть способ её отыскать, и постарается забиться в самую глубокую дыру. К сожалению, у амулета не очень большой радиус действия.

Как же её отыскать? Кроу был неважным сыщиком. Обычно он действовал более прямолинейно и грубо. Но Сэм и не говорил, что будет легко. Так что же делать? Надеяться на слепую удачу Кроу не любил. Ожидать помощи от кого-то из местных тоже не приходится... Искать иголку в стоге сена так же не улыбалась. Ему необходима зацепка. Хоть какая-то...

– Ваш завтрак, мастер Кроу, – Бранд аккуратно составил перед ним на стол тарелки. Эрик оценил расторопность толстяка. Да ещё и лично всё принёс... Хм, не иначе боится, что он сделает что-нибудь нехорошее с девушкой-разносчицей. Которая, к слову, высовывала любопытный носик из кухни и неумело пыталась строить глазки Ходящему.

– Благодарю, – Кроу взялся за вилку и внезапно его осенило. – Мастер Бранд, не окажите услугу?

- Ну, если это будет в моих силах, – осторожно ответил трактирщик.
- Вам известно, где живёт Корин? Ну, тот парнишка, что привёл меня на ваш постоянный двор?
- Конечно, знаю. Его отец известный плотник. Но в последнее время он много хворает. Вот и приходится Корину практически в одиночку заботиться о семье. Если бы не вы, мастер Кроу, то мальчишка бы сгинул этой ночью. Уж больно он... Непоседливый.
- И задаёт слишком много вопросов.
- Вот-вот.
- И чересчур много думает.
- В Тёмном Уделе это вовсе не к чему.
- Замечательный, в общем, мальчик, – подытожил Ходящий. – Мне он нужен. Пошлите за ним.

Не говоря ни слова, Бранд кивнул и отправился отдавать необходимые распоряжения. Порядком оголодавший Кроу накинулся на горячую снедь. Интересно, подумал он, почему все трактирщики настолько одинаковы. Словно все слеплены по одному образу и подобию. Одна только Айра Поларис стоит особняком. Кроу скупно улыбнулся. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Она же женщина.

-
- И что же ты делал в Тёмном лесу?
 - Собирал корешки зимнего папоротника.
 - Корешки зимнего папоротника? – Кроу покосился на своего юного спутника.
 - Это такое целебное растение. Не боится никакого мороза и очень полезное. Зимой оно набирает наибольшую силу. И надо успеть набрать приличный запас, пока есть возможность.
 - Не думал, что ты подрабатываешь знахарством.
 - Я и не подрабатываю. Просто собираю эти корешки для нашей деревенской знахарки – Зельды. Она уже старая и плохо ходит. А за это она бесплатно лечит отца. Даёт в обмен на корешки необходимое ему лекарство.
 - И как, помогает?
 - Не особо, – кисло отозвался Корин.
 - Понятно.

Стемнело рано. На серое небо выкатилась полная серебристая луна, припорошив покрытую снегом землю тусклым сиянием. Ветер стих, а мороз, наоборот, всё крепчал. Казалось, сам воздух звенит от витающих вокруг минусовых градусов. Ну, хоть тихо стало, и Кроу был благодарен природе уже хотя бы за такую милость.

Вместе с Коринем они шли по околице Тёмного удела, вдоль погружённой в ночь улочки. Неказистые хибары с покосившимися заборами выросли по обе стороны от ночных скитальцев. Не особо людная и в дневное время суток, сейчас деревня встречала их абсолютной тишиной. Тёмный Удел как будто вымер. Даже собаки и те забились в будки и не подавали никаких признаков жизни. Что ж, всё это было только на руку Ходящему. Меньше свидетелей, да и под ногами никто не путается.

– Надеюсь, вы не считаете, что Зельда может быть как-то причастна ко всему... этому? – Корин подозрительно посмотрел на Эрика.

– Нет, дружок. Если бы всё было так просто, я бы уже давно потягивал винцо у себя дома, – Кроу не сбавлял шага. Юноша в своих неуклюжих валенках едва поспедал за ним. – Ты у неё нахватался всяких умных словечек?

Юноша несколько смущённо кивнул, радуясь, что в ночном сумраке Ходящий не видит румянца, залившего его щёки.

- Она научила меня грамоте. Я даже писать умею!

– Ты знаешь, я ничуть не удивлён. У женщин, подобных вашей знахарке, нюх на особых людей.

Перепрыгнув через сугроб, Корин шмыгнул замёрзшим носом. Он уже перестал обращать внимания на порой загадочные высказывания Кроу, справедливо полагая, что уж не ему-то оспаривать слова Ходящего!

Сугроб, через который юноша перескочил, Кроу протаранил, словно и не заметив. В том, что напуганные люди предпочитают отсиживаться по домам, был большой минус. Почти все дороги оставались нетореными, и в некоторых местах нужно было прорываться чуть ли не с боем. Студёный воздух звенел, как натянутая струна. Звуки разносились по всей округе. Треск снега под ногами изрядно действовал Эрику на нервы.

– А где вы живёте?

– Я тебе уже говорил, что ты излишне любопытен?

Корин виновато передёрнул плечами.

– Мне все так говорят. А ещё говорят, что я дурак, потому что много думаю. А вы как считаете, мастер Кроу?

– Честно говоря, впервые слышу, чтобы трезво размышляющего человека обзывали дураком, – со смешком ответил Ходящий, поправляя стоячий воротник длиннополого плаща. Меч как влитой приклеился к его спине, и казалось, что Кроу совершенно не замечает его тяжести. – Должно быть, ты чертовски популярен и от девчонок отбоя нет, а?

– Они на меня не обращают внимания, – нехотя буркнул Корин, следуя за высоким мужчиной след в след. Они выбрались на очищенную от снега тропинку и шли, прижимаясь к сколоченному из облупленного штакетника забору.

– Вот дуры! – вознегодовал Кроу. Юноша не видел, что на губах Ходящего блуждает лёгкая улыбка. – Так у тебя и девушки нет, так, что ли?

– Нет, – сказал Корин, не поднимая головы. Почему-то ему внезапно стало стыдно. Вот у Ходящего уж действительно никогда, наверное, не было отбоя от женщин! Куда ему понять проблемы Корина...

– Ты знаешь, я тут присмотрелся к вашему женскому контингенту... По-моему, ты много не потерял, серьёзно тебе говорю.

Корин негромко хмыкнул. Он знал Ходящего меньше суток, но понял одну потрясающую вещь. Оказывается, Ходящие такие же обыкновенные люди, как и все. По крайней мере, Эрик Кроу. Но, с другой стороны, Кроу настоящая легенда. Кто знает, может, это у него такая слабость – позволять себе быть человеческим по отношению к другим? Хобби, так сказать. Как обстоят дела с человеческим общением у других Ходящих, Корину оставалось только догадываться. Чёрт, да когда по деревне разнесётся слух, что он помогал знаменитому Молоту Ветям в этом деле!.. Взгляд Корина затуманился от сладостных видений, и он с размаху впечатался лицом в спину внезапно остановившегося Ходящего.

– Эй, ты что, заснул там? – обернулся Кроу.

– Да так, замечтался, – виновато потёр ушибленную переносицу Корин. Ушибленный накануне нос болезненно заныл.

– Ты знаешь, что это такое? – Эрик держал на весу перед лицом юноши покачивающийся на серебряной цепочке красивый блестящий камешек в изящной оправе.

– Рубин? – высказал первое пришедшее в голову Корин, не отводя глаз от симпатичной безделушки.

– Рубин... Это Охотничий Камень. Амулет, помогающий выслеживать Тёмных. В Больших Городах он практически бесполезен, но в местах подобных Тёмному Уделу от него есть кое-какой толк. Когда рядом порождение Тьмы, он начинает светиться. И чем ближе зло, тем ярче разгорается Камень. Смекаешь?

Корин поправил сползающую на уши растянутую вязаную шапку.

– Но он же почти не горит!

– В том то и дело, – сказал Кроу, пряча амулет во внутреннем кармане плаща. – Мы ходим по кругу, приятель. И чем дальше отходим от центра деревни, тем тусклее свет Камня. Ведьма живёт где-то ближе к центру. Но не в самом центре, нет... Когда я утром был у старейшины, Охотничий камень хоть и мерцал, но не светился. Интересно- интересно...

– Я думаю по-другому, – Корин преданно заглядывал в задумчиво прищуренные глаза Ходящего. – Ну, всё-таки ближе к окраине, я думаю. Ну, мне так кажется...

Окончательно сникнув, Корин понурил голову. Кто он такой, чтобы указывать Ходящему?

Кроу ободряюще похлопал юношу по плечу.

– Эй, ты чего замолчал? Ну, давай, развивай идею, не бойся. Поверь, с моим хромающим на все ноги дедуктивным методом мы не добьёмся ровным счётом ни-че-го. Надо поспешать. А то у меня уже уши начали мёрзнуть. С чего ты взял, что ведьма живёт у околицы?

– Я вспомнил, как Зельда рассказывала, что Тёмные сущности избегают большого скопления народу...

– М-да, я так понимаю, что она никогда не была в Больших Городах.

– Неважный из меня помощник, мастер Кроу, – расстроено засопел Корин.

– Глупости. Проводник ты отличный и знаешь все ваши кривые закоулки как свои пять пальцев. Без тебя я бы уже раз десять прошёл по одному и тому же месту. Уж больно у вас всё одинаковое, аж оторопь берёт. Лучше скажи мне, что ТЫ знаешь о ведьмах?

– Ну, они все старые, дряхлые и очень страшные! – на одном дыхании выпалил Корин. – И насылают на людей порчу. А ещё портят посевы, бесплодят скот, воруют детей, устраивают шабаша, купаются в крови девственниц...

– Стоп-стоп-стоп, – поднял руку Ходящий. – Оставим пока в покое так волнующих тебя девственниц. В принципе, ты во многом прав, но исходя из данного тобою словесного портрета, ведьму вовек не отыщешь. С чего ты взял, что они все сплошь старые карги?

– Так говорят, – совсем погрузстнел Корин, мечтая провалиться сквозь землю.

Кроу заложил большие пальцы за ремень. Корин заметил, что Ходящий всегда так делает, когда готовится сказать что-нибудь важное. А ещё с его ремня свисало множество весьма необычных и интересных штучек, которым юноша никак не мог дать названия, а спросить об их назначении стеснялся. Знаменитый Ходящий и так, наверное, думает, что он непроходимый деревенский тупица.

– Запомни, малыш, зло способно принимать самые невероятные обличия. Оно предстанет пред тобой в личине лучшего друга, и ты не заметишь разницы. Ведьмы... Ведьмы – это не одни лишь сгорбленные старухи, вооружённые клюками и беззубой челюстью. Многие из них молоды и не дурны собой. Эти самые опасные.

– Почему?

– Только опытная и сильная ведьма способна поддерживать молодость и красоту. Правда, исключением из правил можно назвать ведьм, так сказать, начинающих. И я боюсь, что в нашем с тобой случае речь идёт как раз о такой «малолетке». С другой стороны, с неопытной ведьмой куда легче справиться... Если только... Хм...

Корин боялся дышать, чтобы ненароком не помешать Кроу «развивать дедуктивную линию».

– Если только мы не имеем дело с самой страшной и опасной из них. Чёрт. С чего я взял, что она молода и неопытна? Волколаки не за что не стали бы слушать слабую ведьму! Корин, дружище, моли своих богов, чтобы эта ведьма не оказалась Бесноватой.

– Какой? – от мороза широко распахнутые глаза юноши слезились.

– Очень редко, но бывает и так, что некая Тёмная сущность вселяется в человека и начинает управлять им. Обычно это души тех ведьм, чьи прежние телесные оболочки уже

не в состоянии служить им. И тогда они ищут новое пристанище. И в этом случае ведьму вычислить дьявольски сложно. Ею может оказаться кто угодно. Даже ребёнок. Со стороны это похоже на одержимость. Но только со стороны. Одержимые ведут себя бесконтрольно. Завладевшему их телом демону подавай шутки да развлечения. Но Бесноватая ведьма – это другого поля ягода. Ей совсем не к чему выдавать себя.

– И как же тогда вывести её на чистую воду?

– Да есть способы.... К тому же ведьма просто не может не вредить окружающим. Это у них в крови. И человек знающий, пусть не сразу, но догадался бы, что рядом живёт ведьма.

– А как она вредит? – Корин со страху начал заикаться. Почему-то ему внезапно сделалось нехорошо. Какое-то плохое предчувствие железным обручем сдавило горло. Предчувствие неотвратимо накатывающей беды.

– Обычно, первыми из дома, где поселилась душа ведьмы, бегут домашние животные, и почти всегда кто-то начинает болеть. И не может выздороветь, пока....

Корина пошатнуло. Он с трудом удержался на ногах. Юношу зазнобило, и отнюдь не от холода.

– Я... Я никак не мог понять, почему ушла Несси.... Это наша старая кошка. Мама сказала, что коты всегда уходят, когда собираются умереть. Но Несси была такой жизнерадостной!.. Она не собиралась умирать!

На глазах юноши наворачивались всё новые слёзы.

Ходящий наклонился к нему и негромко спросил:

– Когда заболел твой отец, Корин?

По щекам Корина непрерывным потоком текли слёзы. На жгучем морозе они тут же замерзали, превращаясь в кристаллики и покрывая сыпучей ледяной коркой покрасневшую кожу. Юноша от отчаяния и бессилия был готов наложить на себя руки. Как бы он хотел сейчас быть дома! Убедиться, что всё в порядке, что Ходящий ошибается, что у них просто разыгралось воображение. Что они ОБА ошибаются! Но к затерявшемуся в снежном плену домику Корина Ходящий отправился один.

Корин невидящими глазами провожал исчезающую в ночном сумраке, подсвеченную струившимся с чёрного неба лунным светом высокую фигуру Кроу. Звуки хрумкающего под сапогами мужчины снега отдалялись от юноши всё дальше и дальше. Сам Корин остался стоять под старым раскидистым вязом, росшим в самом начале улицы. Лишённое листьев старое дерево тихо поскрипывало ветвями, словно утешая Корина.

Он едва не на коленях умолял Ходящего взять его с собой. Он не хотел верить, что в его доме поселилось зло, а он жил, ел, спал с этим злом под одной крышей, ни о чём не догадываясь! Не может такого быть! Это же его дом, его семья. Они же такие, как и остальные жители Тёмного Удела! Они ничем не отличаются от других! Почему именно они?! Почему именно его сестрёнка?

У юноши чуть всё не оборвалось внутри, когда Кроу высказал предположение, что ведьмой, скорее всего, стала младшая одиннадцатилетняя сестра Корина Джесси. Вряд ли, рассуждал Кроу, чтобы Бесноватая ведьма завладела телом матери Корина. Ей нужно тело помоложе и посвежее. И как можно невиннее....

Брать с собой Корина Ходящий отказался наотрез, не желая и слышать ничего подобного.

– Корин, моли своих богов, чтобы всё обошлось, чтобы я ошибся. Поверь, мне не меньше тебя хочется ошибиться. Я хочу думать, что всё обернётся просто чередой случайностей и нелепых совпадений. Возможно, болезнь твоего отца, уход кошки, беспокойное поведение домашней скотины и оживление волколаков никак не связаны меж собой.... Но.... В противном случае всё обстоит не плохо, а очень плохо. И я хочу, чтобы ты был готов к самому ужасному развитию событий. Я иду к тебе домой и клянусь, что сделаю всё от меня зависящее. Ты оста-

ёшься здесь и ждёшь меня. Я вернусь. Обязательно. Но до той поры даже и не вздумай следовать за мной. Всё понял? Ну, вот и молодец.

Каждое слово Кроу, произнесенное спокойным размеренным тоном, словно речь шла не о его семье, а о чём-то будничном и заурядном, о... о работе, например, с силой кузнечного молота било по Корину. Он едва сдерживался, чтобы не разрыдаться. Заплакал он только тогда, когда Ходящий, похлопав его по плечу, развернулся и зашагал к его дому.

Эрик Кроу по прозвищу Молот Вельдм, Ходящий, достаточно известная на Обратной Стороне личность, чувствовал себя предельно мерзко. Он всегда так себя чувствовал, когда был вынужден врать. Пусть его ложь и была в угоду обстоятельствам, так сказать, ложь во благо... Но ведь от этого она не становилась более правдивой, да? А лгать ему приходилось гораздо чаще, чем того хотелось бы. Вот и сейчас у него язык не повернулся сказать этому преданно пожирающего его заплаканными глазами мальчишке, что, скорее всего, из его семьи уже никого нет в живых. За исключением одного человека. Да и назвать то, во что превратилась младшая сестрёнка Корина, человеком, язык у Ходящего не повернулся бы. Кроу пару раз встречался с Бесноватыми ведьмами. И жутко не любил их. Если одержимого можно было вылечить, изгнав завладевшего телом беса, то с людьми, чьи души поработили ведьмы, такой фокус не проходил. Единственным выходом из положения была смерть. Так что, помимо всего прочего, ему ещё придётся убить эту Джесси. Ну разве мог он сказать Корину, что в его понятии всё уладить – это разрубить ведьму, а значит, и Джесси, на куски?!

Кроу никогда не отличался излишней сентиментальностью и мягкотелостью, но в такие вот моменты всегда чувствовал себя прескверно.

Ходящий запрокинул голову к чернильному куполу ночного неба. От трескучего мороза, звёзды, казалось, светились особенно ярко. Они как будто игриво подмигивали ему. Луна же угрюмым овалом неодобрительно косилась на Кроу. Она словно догадывалась, что он собирается сделать.

Дом, в котором проживал Корин с семьёй, представлял из себя сложенную из тесаных брёвен небольшую избушку с гонтовой крышей, увенчанной шапкой блестящего снега. Ни в одном из маленьких, прикрытых ставнями, окошек не горел свет. Ни рассеянного марева лампы, ни бликующего огонька лучины, ничего... Странно. Стемнело совсем недавно. В деревнях, конечно, ложатся спать рано и встают с петухами, но домочадцы были обязаны дожидаться старшего сына, если только... Есть, кому ждать. Домик и громоздящиеся за ним хозяйственные пристройки, среди которых Ходящий различил сарай с хлевом, окружал невысокий частокол. Оглянувшись по сторонам, Кроу подкрался к частоколу, проваливаясь по колено в снег, и осторожно высунул нос над заостренными кольями. Гнетущая тишина и полное отсутствие света на подворье ему порядком не нравились. А чего он в принципе ожидал? Интуиция Ходящего давно развилась до самостоятельности мощного искусственного интеллекта. И подходя к домику Корина, Эрик уже знал, что ничего хорошего он не увидит.

Заведя руку за спину, Кроу одним хитрым движением повернул рукоятку меча, освобождая клинок. Воткнув меч в снег, Кроу застегнул плащ на все пуговицы и покрутил запястьями. Оставалось надеяться, что ему предстоит иметь дело с одной лишь ведьмой. Скорее всего, у неё не было времени, чтобы ПОДЧИНИТЬ себе тела убитых. А там кто его знает... Взявшись за меч, Кроу бесшумно перемахнул через ограду и подкрался к стене дома, прижался спиной к брёвнам, замер, прислушиваясь к ощущениям. Ходящий был абсолютно спокоен. Он опасался только одного – возможной ловушки. С Бесноватыми ведьмами всегда так, никогда не знаешь, что за монстр предстанет пред тобой в самой, казалось бы, обычной телесной оболочке. Может, вполне заурядная ведьма со способностями средней руки, коих хватило исключительно на ВСЕЛЕНИЕ. А можно столкнуться нос к носу с существом, способным навести шороху и в Магистрате Семерых Высших!

Кроу сунул руку за пазуху и вытащил из кармана Охотничий камень. Амулет пылал алым закатом. Внутри него вспыхивали и гасли оранжевые прожилки. Ну что ж, всякая ошибка исключена. Зло внутри дома. Почему он сразу не показал Корину, что амулет раскалился докрасна? Пожалел мальчишку? Решил дать ему надежду? Или точнее будет сказать – иллюзию на надежду? Неужели старею, скривился Ходящий?

Молот Вейдм выдохнул сквозь стиснутые зубы, уже не прячась, обошёл дом и остановился напротив невысокого крылечка. Налетевший откуда не возьмись порыв студеного ветра заставил волосы на затылке Ходящего зашевелиться. Он смерил сощуренными глазами расстояние до двери. Миновать три ступеньки, ногой вышибить дверь, ворваться внутрь и рубить всё, что движется. Но что-то удерживало его от столько опрометчивого шага. Какое-то заворочавшееся внутри чувство опасности, превосходящее по силе интуицию. Да ещё и потянувший из-под двери замогильный холод, достающий до носков сапог...

Что-то во всей этой ситуации Ходящему не нравилось. Очень сильно не нравилось. Одно из двух, мрачно подумал, он, либо я действительно старею, либо там, за дверью, внутри некажистого домика притаился сам Вельзевул.

Тряхнув длинными волосами, Кроу поставил ногу на первую ступеньку. Меч дрожащим от возбуждения зверем оттягивал руку. Поднявшись, Кроу свободной рукой легонько упёрся в дверь и ничуть не удивился, когда та бесшумно отворилась, пропуская его в залитую тьмой горницу. Она ждала его, понял Ходящий, беря меч наизготовку.

Он вошёл внутрь.

В лицо Ходящего дохнуло арктической стужей. Кроу воочию представил, как его длинные чёрные волосы и недельная щетина покрываются налётом инея. Он встряхнул головой, прогоняя наваждение. Когда имеешь дело с ведьмами и чёрным колдовством, ни в чём нельзя быть уверенным. Глядишь, и не заметишь, как превратишься в настоящего снеговика!

Однако реального положения вещей фантазии Кроу нисколько не умоляли. В горнице действительно было холодно, как на Северном полюсе, гораздо холодней, чем на кусающейся морозом улице. Очень холодно. И очень темно. По правде говоря, не видно было не зги, хоть глаз выколи. Ходящий замер на пороге, пытаясь рассмотреть в глубине погружённого в студеную ночь помещения хоть что-нибудь. Очертания предметов, проблеск света, силуэты людей. Тщетно. Зато он отчётливо ощутил царящий в доме Корина запах смерти.

Тяжёлый удушливый запах свежeproлитой крови ни с чем не спутаешь. Поморщившись, Кроу шепнул короткое заклятие и, занеся шестифутовый клинок над плечом, шагнул вперёд. Наваждение рассеялось, как туман на ветру и горница окрасилась в серые тона. Первым, что увидел Эрик, был труп пожилого худоцавого мужчины, лежащий на полу в луже успевшей загустеть крови. Далее в поле зрения Ходящего оказалась подвешенная за шею переброшенной через стропильную балку верёвкой измождённая женщина в длиннополой ночной рубашке. Спутанные волосы падали ей на лицо, ноги раскачивались в двух футах от опрокинутой табуретки.

Кроу медленно повернулся. Ему показалось или в горнице становилось всё светлее?

А затем он услышал тихий детский голосок. Приятный и мелодичный, принадлежащий, вне всякого сомнения, какой-нибудь милой симпатичной девчужке. А потом он увидел и саму говорящую.

– Я слышала, что на Ходящих не действуют наговоры.

– И большая часть Тёмных заклинаний, – не стал разубеждать собеседницу Кроу. На лице мужчины не дрогнул не один мускул.

Около потухшей печки, прямо на полу, поджав под себя босые ноги, сидела худенькая девочка в простеньком шерстяном платьице. Милое личико, две забавные косички, большие глазёнки. На руках девочка баюкала, словно большую куклу, тело мёртвого мальчика лет

шеи мальчика была свёрнута под неестественным углом, и Кроу был рад, что не видит его лица. Судя по всему, девочка не замечала наводнившего горницу холода. Поджав пухлые губки, она склонилась и прошептала на ухо мертвого малыша:

– Спи, спи, мой хороший...

Обойдя свисающий с потолка труп женщины, Кроу выдохнул облачко пара. Девочка подняла голову и встретилась с Ходящим взглядом. Эрик внутренне содрогнулся, словно заглянул в Бездну. Глаза девочки заливала непроглядная Тьма, выделявшаяся на бледном лице двумя крупными агатами.

– Ты пришёл убить меня? – передёрнув худенькими плечиками, хихикнула девочка, прижимая маленький трупик к груди.

Серый свет, наполняющий горницу, постепенно разогнал последние тени по углам. Кроу увидел ещё одну дверь, ведущую вглубь жилища, но увиденное его нисколько не заинтересовало, поскольку живых в доме больше не было. Как не особо его заинтересовало, откуда берётся этот неестественный тусклый серый свет.

– Не буду скрывать. Ты могла рассчитывать на справедливый суд, но своими последними деяниями просто не оставляешь мне никакого выбора.

– И у тебя поднимется рука на ребёнка? – искренне удивилась девчужка, роняя тельце мёртвого мальчика на пол.

У Эрика непроизвольно дёрнулась бровь, когда вихрастая головка мальчугана глухо стукнулась о доски.

– Справедливый суд? – девочка устроилась поудобней, выпрямив спинку и глядя на Кроу, как ему показалось, возмущённо и явно удивлённо. – Что ты подразумеваешь под справедливостью, Ходящий?

– Ты нарушила хренову кучу законов, прописанных в догматах Ордена Семерых, – покачал головой Кроу. – Я не хочу вдаваться в политику и рассуждать о добре и зле. Это не моё дело.

– На Обратной Стороне нет места Добру, глупец! – голос девочки понизился и огрубел. – Кто тебя послал? Зачем ты пришёл за мной? Как ты меня нашёл?

– Ты достаточно наследила, чтобы безнаказанно скрыться.

– Ещё скажи, что от вас невозможно скрыться, Ходящий, – ехидно сказала девочка, держа спину прямой, как на уроке за школьной партой.

– Обязательно было убивать этих людей? – хмуро спросил Эрик, опираясь обеими ладонями на крестообразную гарду меча.

– Когда я поняла, что этой ночью за мной придёт Ходящий, я решила немножко развлечься, но они почему-то не захотели принимать участия в празднике.... Пришлось их всех убить! Жаль, правда, что мой братишка успел ускользнуть.... Это ты во всё виноват, Ходящий!..

Девочка обиженно надулась, и, сложив ручки на груди, демонстративно отвернулась в сторону. Кроу только этого и ждал. От его напускной расслабленности не осталось и следа. Как распрямлённая пружина Ходящий прыгнул на НЕЁ, меч радостно взвыл, разящей молнией рассекая воздух. Остриё дрожащего от предвкушения убийства клинка смотрело аккуратно в грудь маленькой девочки. Железные руки Ходящего в этот момент не смог бы отвести никто в этом подлунном мире. Кроу справедливо гордился своей реакцией и скоростью. Даже высшие вампиры считали, что в его венах не иначе как течёт кровь кого-то из детей Ночи. Поскольку не один человек не мог двигаться так, как Молот Ведьм. До недавнего времени у Эрика не возникало причин сомневаться в лестных словах друзей и недругов. Но всё когда-то происходит в первый раз.

Вот и сейчас Кроу впервые встретил того, кто оказался быстрее, чем он. Самое забавное было в том, что его уделала обычная с виду, маленькая, одиннадцатилетняя девочка с внешностью ангела и глазами Сатаны.

Джесси, подчиняясь приказам овладевшей её телом твари, подскочила, как ужаленная, разворачиваясь в сторону Кроу. Ведьма встретила Ходящего выставленными перед собой руками с растопыренными пальцами. На всё про всё у Тёмной ушло пол удара сердца.

Эрик умудрился в прыжке сгруппироваться и отклониться вправо, уходя от возможной ответной атаки. Грохнувшись о низкую скамейку, попутно разнеся её в щепы, Ходящий кувырком погасил инерцию и, привстав на колено, принял защитную стойку. Он ещё успел подивиться, как это он смог проделать все эти акробатический кульбиты в небольшом по площади помещении с довольно низким потолком! В следующий миг шестифутовый клинок словно ожил в его руках. Какая-то неведомая сила вырвала оружие из цепких рук Ходящего. Не удержавшись, Кроу упал на живот, над ним что-то просвистело, раз, другой, третий...

Отжавшись от пола, Эрик одним прыжком оказался на ногах. Совсем плохо дело, мрачно подытожил он свои скромные успехи.

Маленькая девочка, стояла, прижимаясь спиной к бревенчатой стене, глаза её кипели двумя раскалёнными сгустками Тьмы. Из тоненьких пальчиков Джесси вылетали всё новые и новые нити, напоминающие паучьи стропы. Белесые, толщиной с дратву, нити со скоростью лесного пожара опутывали горницу прочной, непреодолимой паутиной. В течение нескольких секунд комната стала напоминать паучье гнездо. Кроу застыл, стараясь не дышать и не дёргаться. Его меч висел, как намагниченный прилипнув к паутине, на противоположной стороне горницы, рядом с входными дверями. Почему-то Ходящий был уверен, что выпущенная ведьмой паутина по прочности ничем не уступает стальным тросам. И прикасаться к ней он тоже не хотел. Эрик видел, как тонкие нити с изрядной лёгкостью рассекли оказавшиеся на их пути предметы скромной обстановки. Развалили притулившуюся в углу бочку с превратившейся в лёд питьевой водой, прошили в нескольких местах свисающий с балки труп матери Корина.

Не сводя пронзительных, страшных в своей нечеловечности, глаз с Эрика, ведьма чуть сжала пальцы. Заплетшая комнату паутина тут же отозвалась протяжным скрипом. С потолка посыпалась труха, сложенные из толстых брёвен стены застонали. Кроу понял, что Тёмной вполне под силу обрушить весь дом ему на голову. Перед ним и сзади него, над головой, корабельными снастями натянулись вибрирующие от переполнявших их чудовищной силы нити. Стоит мне дёрнуться и рушить дом не будет никакой необходимости, подумал Эрик. Эта паутинка искромсает меня на тысячи маленьких Ходящих. Превратит в фарш.

– Ай-ай-ай, наш настырный мотылёк угодил в паучьи сети! – мило улыбаясь, прошептала девочка. – Тебе разве не говорили, мотылёк, чтобы ты не летел на огонёк?

Заложив большие пальцы за ремень, Ходящий небрежно отмахнулся.

– Считаешь, что справишься со мной? Что дело в шляпе? Поверь, дорогуша, я просто неистощимый кладёзь принеприятнейших сюрпризов. Надеюсь, тебе известно, как меня называют на Обратной Стороне?

Звон натянувшихся нитей превратился в комариный писк. Детское личико ведьмы исказила неприятная противная ухмылка.

– Ты меня заинтриговал, Ходящий.... Ты же из Внешнего мира, да?

– Это обстоятельство ничуть не мешает моей профессии.

– Наконец-то я слышу здравые речи! Хвала Тёмным богам, что ты не стал лживо оправдываться, говоря, что ратуешь о спасении человеческих душ. Многие на твоём месте сказали бы, что используют свой дар исключительно во благо, в угоду добру и свету.... Ты же признаешься мне, что просто зарабатываешь деньги.

– Мне надо на что-то жить, – пожав плечами, ответил Кроу. – А больше я ничего не умею.

– А если кто-то предложит больше?

– О-о-о.... Понимаешь.... Вся закавыка в том, что.... Я человек принципов.

– Человек чести!

– Вот-вот...

– Неподкупный и правильный.

– Ага... Это всё обо мне.

– Мне кажется, я должна знать твоё имя, Ходящий, – лицо девочки сморщилось в мерзкой гримасе, чёрные провалы глаз, не моргая, смотрели на застывшего в переплетении паучьих нитей высокого мужчину.

– Меня зовут Молот Ведьм, – не отводя взора, Эрик сжал рукоять пистолета и выстрелил прямо с бедра, не тратя время, чтобы вытянуть руку и прицелиться получше. У него просто не было этого времени. А состязаться в скорости с Бесноватой ещё раз ему совершенно не хотелось. В серых сумерках комнаты полыхнул яркий огненный цветок, звук выстрела шибанул по ушам. Крупный заряд каменной соли лягнул не ожидавшую ничего подобного ведьму в грудь, впечатавая в стену. Кроу показалось, что он услышал, как хрустнули нежные девичьи косточки. Что ж, соли он не пожалел, а учитывая калибр пистолета...

В тот же миг сотворённые колдовством паучьи сети истаяли, осыпавшись на пол лохмотьями грязного белесого пепла, а в самой горнице несколько потемнело. Призрачный серый свет начал стремительно угасать. Кроу потянул за воротник надетого под плащ шерстяного свитера. Пан или пропал. Второго шанса у него не было. Дай пистолет осечку или не воспламенись порохозаменяющая смесь и, пожалуй, на этой минорной ноте можно было бы заканчивать книгу под названием «Житие Ходящего Эрика Кроу».

Кроу подобрал с пола упавший меч и подошёл к скорчившемуся у стены телу маленькой девочки. Грудная клетка её вспенилась обрывками платица и окровавленной разорванной плотью. Ходящий устало вздохнул. Ему чертовски не нравилось то, что он сейчас делает, но у него не было выбора.

Засунув разряженный пистолет в кобуру, Эрик крутанул запястьем. Клинок послушно просвистел в постепенно нагреваемом воздухе горницы, описывая круг смертельной стали и едва не задевая притолоку. Ведьма порядком удивилась, схлопотав заряд соли. Но не тому, что это была соль, первое средство против ведьм, а тому, что пистолет вообще смог выстрелить. На Обратной Стороне порох почему-то ни в какую не желал воспламениться. И все усилия алхимиков Союза Четырёх и колдунов Ордена Магии были тщетны. До Эрика доходили слухи, что даже Лорды уже не одно десятилетие бьются над этой проблемой, но всё впустую. На Обратной Стороне порох не горел. Это был один из законов сошедшей с ума природы.

Кроу не лгал, когда говорил, что полон сюрпризов.

Он присел на корточки подле мёртвой девочки. Осторожно приподнял двумя пальцами голову Джесси за подбородок. На него уставились навеки застывшие глаза. Глаза, как ему показалось, смотрели с едва уловимым упрёком. Большие голубые глаза невинного ребёнка. Кроу лёгким движением провёл ладонью по лицу девочки, опуская веки.

Выпрямился. Взялся за рукоять меча обеими руками. Прошептал коротенькую молитву и нанёс удар, стараясь не думать, что у Джесси глаза её старшего брата Корина.

Острый как бритва клинок, не заметив сопротивления, отделил голову девочки от туловища. На стену и на сапоги Ходящего брызнула кровь.

Кроу молча вытер клинок о занавеску окна и вытащил из внутреннего кармана Охотничий Камень. Амулет встретил его тусклым матовым блеском холодного мёртвого камня. В этом доме всё было мертво.

Выйдя на улицу, Ходящий прикрыл за собой дверь и всей грудью вдохнул свежего морозного воздуха. Судя по положению звёзд и луны, прошло не более получаса, как он переступил порог этого дома. Но Эрику казалось, что он провозился всю ночь. Провозился... Да, как же, ведь для него ЭТО «все лишь работа».

Молот Ведьм спустился по ступенькам, пристегнул меч за спиной и торопливо зашагал прочь, намеренно влезая в самые глубокие сугробы. Он не хотел, чтобы Корин увидел на его сапогах кровь своей сестры.

Часть 2

Мы всегда встречались с Сэмом в этой забегаловке. Мне здесь нравилось. Неброско, тихо, малоллюдно, кормят сносно. Ресторан как ресторан, работающий с раннего утра до самого позднего часа. Приглушенный мягкий свет, не раздражающий глаза, спокойная, не режущая слух музыка. И большие стеклянные витражи, заменяющие в одной из стен окна. Я всегда садился за столик напротив, и мог наблюдать за происходящим на улице, на тротуаре и на проезжей части. Так же мне открывался прекрасный вид на подпирающие дорогу с противоположной стороны дома.

Было четыре часа пополудни, за стеклом торопливо сновали спешащие по своим делам люди, сверху на них капал начинающийся дождик. В обеденном зале ресторана было тепло и уютно. Я сидел, свободно откинувшись на спинку стула, и цедил свой обычный молочный коктейль. Помимо меня, в зале находилась стайка взъерошенных студентиков, с шутками-прибаутками поглощающих бюджетные хот-доги, да почтенная пожилая пара, с важным и деловым видом пролистывающая меню. Я бросил косой взгляд на наручные часы. Сэм не имел привычки опаздывать. Оставалось надеяться, что маленький проныра застрял в пробке.

Отставив стакан, я развернул сегодняшнюю газету, пробегая глазами по сводкам последних новостей. Не жалую жёлтую прессу, но в силу особенностей моей профессии вынужден иногда совать нос во всю эту развесистую клюкву. Бывает, что и на страницах подобного мусора иногда выуживаешь крупницы неожиданно ценной информации. Но в этом номере было совсем негусто. Поживиться особо и нечем. Статья «Массовый побег мертвецов—зомби из городского морга» за милую отдавал какой-то дешёвой театральностью. На заголовки типа «Дьявольская Оргия девственниц—христианок на центральном кладбище» и вовсе обращать внимание было глупо.

Свернув газету в трубочку, я посмотрел на жующих за соседним столиком студентов. Три одетых по последней молодёжной моде юнца с невообразимой хренью на голове, гордо именуемой в определенных кругах стильной стрижкой, и две симпатичные смешливые девчонки. Девчонки в заведённом порядке бурно реагировали на каждую остроту сокурсников, не забывая макать хот-доги в соус. Я похлопал газетой по ноге. Довольно шумное соседство, но нашей беседе с Сэмюелем они помешать никак не могли. Шепнуть парочку нужных слов, и никто из посторонних ничего не услышит. Одна из девчонок на секунду отвлеклась от своей тарелки и, слизывая с пальцев кетчуп, скользнула по мне рассеянным взглядом. На краткий миг наши глаза встретились, и она едва уловимо улыбнулась мне. Хорошая девчонка. И мордашка хорошенькая и улыбка очень милая. Я по-джентельменски улыбнулся в ответ. Задержав на мне взгляд чуть дольше, чем позволяли приличия в цивилизованном обществе, она повернулась к друзьям.

Я вздохнул и вновь присосался к стакану. Я знал, что произвожу неплохое впечатление на окружающих. Собранные в хвост длинные чёрные волосы, пристальный взгляд тёмных глаз, дорогие часы на запястье, чёрное пальто из чистой шерсти. Видный и серьёзный мужчина, одним словом. Знала бы эта девочка, чем я зарабатываю на хлеб...

Сэм как всегда появился неожиданно. Вот его не было, а вот он уже с широченной улыбкой на холеной физиономии усаживается напротив меня.

– Здравствуй, Эрик! – во рту Сэма блеснули белоснежные зубы. – Я взял на себя смелость заказать свежего чаю.

– Всегда завидовал твоей пунктуальности. Что произошло? Я уже начал думать, что тебя похитили с целью выкупа.

– Ты волновался за меня?

– Ничуть. За твою жизнь я бы не дал и ломаного гроша.

– Ты как всегда сама любезность, Кроу, – сразу помрачнел Сэм. Его улыбку как ветром сдуло. Он протянул мне через стол конверт. – Держи. Тебе заказное письмо от бабушки.

Не распечатывая, я сунул конверт во внутренний карман пальто. Я знал, что в этом конверте. И на девяносто девять процентов доверял Сэму. На все сто я не доверяю никому. Но облокотившийся локтями о столешницу маленький человечек в дорогом костюме, с напояженными, зачесанными назад светлыми волосами и золотым перстнем – печаткой на среднем пальце правой руки знал, что пытаться меня надуть – себе дороже. Мы не первый год работали вместе. Сэм был хорошим агентом. Одним из лучших. И ещё никогда меня не подводил. Впрочем, как и я его.

Обернувшись, Сэм изучил добывающую хот-доги группу студентов и продемонстрировал мне наглую ухмылочку.

– Смотрю, ожидая меня, ты не скучал? Охмуряешь молоденьких цыпочек, Эрик?

– Хотел бы я знать, когда ТЫ занимался этим в последнее время, Сэм, – я допил коктейль и, вытерев губы платком, вернул ему ухмылку.

– Ха-ха, очень смешно, – тут же поскурился Сэм. О прекрасно понял мой намёк. Мой агент только выглядел как человек. Заявись он в ресторан в своём истинном облике и перед хозяином сего заведения встал бы вопрос, кого вызывать в первую очередь – полицию, психиатра или ловцов бродячих животных. Сэм был представителем немногочисленной расы обманников, славящихся своим мастерством маскировки и мимикрии. Обманники могли принять вид практически любого человека, будучи при этом похожи на людей, как слон на овчарку.

– Как всё прошло – гладко? – перешёл к делу Сэм, наливая себе ароматного дымящегося чая из принесенного официанткой чайника. Чай был известной слабостью обманников. Иные из этих существ сидели на чайных листиках, как торчки на героине.

– Гладко... Не считая того, что мне пришлось столкнуться с Бесноватой и убить маленькую девочку. И заодно парочку низших оборотней.

– Бесноватой? – эхом отозвался Сэм, размешивая в чашке сахар. – Уровень?

– Не из самых слабых, – уклончиво ответил я. – Пришлось повозиться.

– Девочку, говоришь, убил...

– Я тебе толкую о Бесноватой ведьме, – не опасаясь, что нас услышат, я повысил голос. – Ты не хуже меня знаешь, что это за тварь! В контракте и слова не было о том, что это будет не обычная ведьма!

Сэм пригубил чай, глядя на меня кроткими голубыми глазами.

– Мне жаль, что так вышло, Ходящий. Это плохо. Это очень плохо, что у тебя складываются не самые лучшие отношения с детьми. С маленькими девочками, знаешь ли, надо вести себя соответственно...

– Да что за чушь ты несёшь? – рассвирепел я, сжимая кулаки. – При чём тут вообще мои отношения с маленькими девочками? У меня никогда не было с ними никаких отношений, и тебе это...

– Будут, – как отрубил Сэм и вновь расплылся в ухмылке.

Я проводил взглядом расплатившихся и двинувших в сторону выхода студентов. Давешняя девчонка, откинув со лба чёлку золотистых волос, на прощанье бросила на меня ещё один взгляд и одарила чуть более открытой и смелой улыбкой. Я машинально растянул губы и, стараясь не смотреть на её длинные стройные ноги, едва прикрытые короткой юбочкой, сказал, уже глядя на Сэма:

– Приятель, у меня создалось впечатление, что мы говорим о странных и непонятных вещах. Если честно, я ни черта не понял. Но зная, что ты слов на ветер не бросаешь, я пока воздержусь от выдёргивания твоего наглого языка и соизволю тебя выслушать до конца.

– Наклёвывается выгодное дельце, дружище, – причмокнул Сэм, отхлёбывая из чашки. – Чтобы ты всё уяснил раз и навсегда, скажу, что.... М-м.... Замечательный чай, кстати. Так вот.... Это сделка жизни, одним словом.

– Ну-ну, сделаю вид, что тебе удалось меня заинтриговать, – я демонстративно посмотрел на часы. – Только не впадай в ненужную патетику, пожалуйста. Уже половина пятого, а мне до дома почти час езды на маршрутке. Я бы хотел успеть на вечерний матч.

– Нужно перебросить на Обратную Сторону одного человечка.

– Живая контрабанда? Ты же знаешь, что меньше всего я люблю работать проводником.

– Но кроме тебя никто не способен выполнить эту работу, Эрик! А с другими Ходящими я не сотрудничаю!

– Обычно происходит наоборот, – хмыкнул я. – Нет отбоя от желающих прорваться к нам...

– Ты же знаешь, как это бывает, Эрик. Политика, бизнес, разборки, кто-то узнал или услышал больше, чем нужно.... Но в данном случае всё обстоит совершенно иначе, гарантирую.

Я начал скучать и повернул голову к витражу. На улице стало смеркаться, зажигались первые уличные фонари, включался свет в окнах домов. В зале ресторана сменилась музыка. Полилась размеренная убаюкивающая песенка, в надрывных тонах рассказывающая о потерянной любви. Подобные опусы меня всегда укачивали.

– Заказчик платит очень большие деньги. Больше, чем мы с тобой заработали за последние пять лет.

– Мне нравится, как ты об этом говоришь, Сэм. «Мы с тобой» ... Я же не знаю, какие аферы ты проворачиваешь за моей спиной в свободное от сотрудничества со мной время.

Агент чуть не подавился чаем и возмущённо фыркнул:

– Кроу, ты ранишь моё разбитое сердце!

– Ладно, не пучь глаза, тебе не идёт. Хорошо.... Кто заказчик? Кому захотелось покинуть наш благословенный в своём неведении мир?

– Клиент и заказчик – это два разных человека.

– Вот как? – удивился я.

– Именно. Один богатый человек платит, подчеркну, ХОРОШИЕ деньги, чтобы ты провёл на Обратную Сторону другого человека, доставил по месту назначения, получил расчёт и вернулся домой! И всё просто отлично. Все счастливы! Цветы, овации!

– И всё? – недоверчиво покрутил я головой.

– Абсолютно. Никакого криминала и подводных камней. Эрик, ну право слово, что ты как неразумное сомневающееся дитя? Мы же не первый год вместе. Право, ты своим поведением очень обижаешь меня...

– Сроки?

– Чем быстрее, тем лучше.

Я задумчиво поскрёб щёку. Темнит, ох темнит маленький Сэм. По его наивным и чересчур честным глазкам вижу. Конечно, он мне ВСЁ расскажет, но почему-то не спешит этого делать.

– Имена клиента и заказчика?

– Заказчик – Джулиус Стормвуд, клиент – его дочь Вита Волкова, живущая в этом городе, – трогательной улыбке Сэма могла позавидовать мать Тереза.

Хорошо, что у меня крепкие нервы, и я ничем не выдал своего изумления. Хотя, по правде говоря, я просто-напросто обалдел, и некоторое время сидел, тупо глядя на невозмутимо подливающего себе чаю Сэма.

– Пожалуйста, с этого места поподробнее, – хрипло пробормотал я, отбирая у возмущённо пискнувшего обманника чайник. – И постарайся НИЧЕГО более не упустить, Сэмюэль.

Сунув руки в карманы пальто и подняв воротник, я медленно брёл по улице, изредка задевая локтями прохожих. Мужчины, женщины, дети, десятки незнакомых, разных, и в чём-то одновременно похожих друга на друга лиц. Мимо пронеслись, гудя клаксонами и ослепляя светом фар, рычащие автомобили, по обе стороны высились подпирающие ночное небо дома. На моё счастье дождь прекратился, оставив после себя приятный бодрящий запах озона, хоть как-то перебивающий сплавленные из гари, пота и выхлопных газов ароматы Большого города.

Я сознательно пропустил уже две остановки. Мне хотелось пройтись, наслаждаясь условным одиночеством и не спеша пораскинуть мозгами. Я не обращал ни малейшего внимания на обтекающих меня людей. Равно как и они на меня. Вот за что я люблю город. За то, что здесь никому ни до кого нет никакого дела. За это люблю и за это же ненавижу.

Признаться, Сэму удалось меня здорово удивить. Тут и впрямь стоило крепко призадуматься. Честно, более необычного и чудного задания у меня ещё не было. А я в своё время чем только не занимался! Но ЭТО... Одно могу сказать точно и наверняка: при всей своей напускной лёгкости, работёнка предстояла повышенной сложности. С виду никакого риска, смертельных схваток, погонь, кровопролития. Всего-то и требовалось поработать несколько дней проводником. Но. В это пустяковом, по мнению Сэма, дельце присутствовало огромное НО. НО в виде несовершеннолетней обычной городской девчонки, которую мне предстояло выкрасть из родного дома и любыми способами доставить на Обратную Сторону, не считаясь с её личным мнением по поводу всей этой истории. Каково, а?

Полная задница, как говаривают в таких случаях. И что самое интересное, и не отвертись! На кону деньги, репутация, деловые связи и прочая – прочая. Короче, настроение у меня было не ахти. По шкале Цельсия на отметке, где замерзает вода. Может, пора завязывать со всем этим? Не пора ли мне на покой, братцы?

Дело ясно, что дело тёмное... За версту несёт запахом большой политики. А я, к слову сказать, всегда старался держаться от этой вонишки как можно дальше и желательно с подветренной стороны.

Я остановился на перекрестке, подчиняясь налившемуся красным глазу светофора. Я крепко «сидел на умняках» и со стороны казалось, что я пытаюсь на ходу решить теорему Ферма. Но мне было абсолютно начхать на мнения окружающих. Рядом со мной застыл долговзый юнец с воткнутыми в уши наушниками и пожилая тётка, поносящая по сотовому телефону какого-то Кирилла, безуспешно взывая к его совести. Я машинально отсчитывал последние секунды, дожидаясь жёлтого и... Ну наконец-то! Светофор подмигнул нам зелёным цветом, и мы дружно ступили на «зебру».

Влившись в человеческую толкучку на другой стороне улицы, я замечтавшейся сомнамбулой двинул дальше. Вообще-то я не собирался всю дорогу топтать пешком, и планировал на следующей остановке всё-таки сесть в автобус, ну а пока мне хотелось пройтись, наслаждаясь последними вздохами отшумевшего вечернего дождя.

Итак, Вита Волкова, четырнадцатилетняя дочь члена Союза Четырёх Джулиуса Стормвуда. Этот Стормвуд был не последним человеком в Союзе. Об этом было известно даже такому далекому от политики профану как я. Поговаривали, что при удачном раскладе ему в скором будущем светит кресло одного из Баронов. Большая шишка одним словом, мать бы его так... Тем более что почтенный Керк Азарик в последнее время что-то не на шутку расхворался, да и возраст сказывается... Так что молодым у нас дорога, старикам у нас почёт! Что мы в итоге имеем? Птичка по имени Сэм принесла на своём ухоженном хвостике много интересного. И не являющегося достоянием широкой общественности, как вы уже наверняка догадались.

Когда Стормвуд был ещё совсем молод и зелен, и плохо соображал, что значит быть настоящим политиком, он имел неосторожность завести во Внешнем Мире, то бишь у нас,

грешных, непродолжительный, но пламенный роман с одной очаровательной и юной особой. Страсть влюблённых кипела и била ключом, не удивительно, что через девять месяцев охмурённая Джулиусом девушка принесла ему в подоле ребёночка. К сожалению, тяжёлые, с осложнениями роды подорвали и без того хрупкое здоровье возлюбленной Стормвуда. И спустя несколько дней бедняжка скоропостижно скончалась. Умерла, как гласит легенда на руках у безутешного молодого отца. Ну а дальше было самое интересное. Стормвуда повысили в должности, и его карьера стратегической ракетой рванула напрямик в стратосферу. Амбициозный и подающий надежды политик был удостоен высочайшей чести. Его приняли в Союз Четырёх.

Казалось бы, у грустной сказки должно быть счастливое, смягчающее горечь утраты продолжение. Ан нет. Не всё так просто и радужно, как в сказках. Чтобы соответствовать своему новому высокому положению, Джулиус просто был обязан стать образцом для подражания. Чистым и непорочным. Порядочным и законопослушным. И прижитая на стороне маленькая дочурка ну совершенно не вписывалась в новую жизнь ставшего в одночасье серьёзным дядей Стормвуда. Член Союза обязан иметь кристальную репутацию без единого грязного пятнышка. И детей полукровок никто не потерпел бы в высшем свете. Оговорюсь, что с чистотой крови в Городе Павших Королей носились, как толпа законченных дураков с торбами. И как вы думаете, что сделал, ну, или был вынужден (проявлю чуток снисходительности) мастер Стормвуд? Учтывая, что нынче он уже почти без пяти минут как один из Баронов, несложно догадаться...

Джулиус, не мудрствуя лукаво, пристроил родное чадо в надёжные руки и с головой окунулся в работу. Забыв о дочери на долгих четырнадцать лет.... Из дома ребёнка Виту (так захотела назвать девочку мать) забрали в два годика. Состоятельная бездетная супружеская пара была покорена смысленными глазками крохотной баронессы (почти) и удочерила малютку. Так у Виты появилась фамилия – Волкова. Теперь ей четырнадцать, он учится в престижном лицее, у неё есть любящие мама и папа, хорошие перспективы, на горизонте маячит грядущая любовь типа принца на чём-нибудь белом и тут.... И тут в её жизнь в очередной раз должен вмешаться случай. Форс-мажор в лице вашего покорного слуги. Я взялся за деньги вырвать девочку из привычного образа жизни, из семьи, и тайком увезти к чёрту на рога. Обратная Сторона – это отнюдь не Диснейленд. Я скрипнул зубами. Мерзкое чувство. Очень мерзкое.

Чёрт возьми, и чего это Стормвуду приспичило именно сейчас вспомнить о своей незаконнорожденной дочери – полукровке? Именно тогда, когда под рукой оказался я? Других, что ли, Ходящих он не мог найти? Наш брат, конечно, зверь нынче редкостный, но при должной настойчивости найти проводника вполне по силам. Тем более Стормвуду, с его-то деньгами, влиянием, и связями! Так почему именно я?! И почему ему вздумалось ни с того ни с сего поиграть в доброго папочку?

Неужели Джулиус настолько крепко стоит на ногах, что готов наплевать на предрассудки и представить всем свою выросшую дочь? А что? Если он уже видит себя в кресле Барона, то что ему мешает немного поиграть в самостоятельность? Интересно, очень интересно.... А может и вправду совесть замучила? Ведь даже у прожженного интригана должно быть хоть что-то святое за душой! Ну, это я так думаю. Или же? Я замедлил шаг. Или же.... Я лихо радочно вспоминал. Я давненько не бывал в Больших Городах и несколько отстал от жизни. Последними новостями политической арены Обратной Стороны я совершенно не владел, но что-то такое в памяти заворчалось, отзываясь на обострившийся умственный процесс. Ага! Я торжествующе заулыбался. Вспомнил.

Из воспоминаний меня вырвало одно крайне неприятное обстоятельство. Точнее, три обстоятельства. ИХ я встретил на ступеньках задёрнутого ночной полумглой подземного перехода, в который я собирался нырнуть, чтобы выйти к долгожданной автобусной остановке.

ИХ было трое. Многовато на одну жертву. Это я не о себе, разумеется. А о милой симпатичной девушке, показавшейся мне смутно знакомой. Ах ты, чёрт, да это же та молоденькая студенточка, что приветливо мне улыбалась в ресторане.

Помимо прочих талантов, о коих я пока распространяться не буду, Ходящие наделены способностью распознавать маскирующихся под людей выходцев с Обратной Стороны. В нашем мире я насквозь вижу каждую Тёмную тварь, какую бы личину она не носила. Так и три молодых, прилично одетых человека, выглядевших для стороннего наблюдателя вполне благонадёжно и респектабельно, на деле являлись изголодавшимися по свежему девичьему мясу упырями. Станции метро, подземные переходы, туннели – излюбленные места обитания этих ублюдков. Они здесь живут, здесь же и предпочитают охотиться. Обычно стараются не борзеть и сворами по трое-четверо не собираться. Но эти, так неожиданно встретившиеся мне, похоже, вконец обнаглели.

Подонки щемили несчастную девчушку на нижних ступеньках подземного перехода. Они не любили подниматься наверх. В случае чего, можно было сразу быстро смыться под землёй. Повторюсь, со стороны всё это напоминало целомудренную прелюдию к групповухе. Трое молодых гламурных парней прижимали к холодной бетонной стене нетрезвую девушку. Потные ладони жадно шарят по её разгорячённому телу, губы настойчиво льнут к шее, кистям, незакрытым одеждой участкам тела. Затуманенные глаза девушки почти закатились. Она уже далеко отсюда и не соображает, что происходит. Она в нирване. Похоже, перебрала со спиртным на дружеской вечеринке, чем решили воспользоваться расторопные приятели-кавалеры. Да, со стороны всё так и казалось, и никто не стал бы вмешиваться. Сейчас столько всякой пошлости происходит на улицах городов, что порой и не поймёшь, что к чему.

Однако мне было достаточно бросить одного взгляда на её покрытое испариной милое лицо и дёргавшиеся в нервном тике полуприкрытых веки, чтобы констатировать настоящий диагноз – дурман. Девушка находилась под действием простейших, одурманивающих сознание обычного человека чар. А присосавшиеся к ней молодые люди в истинном свете выглядели на редкость отвратительно. Грязно-пепельная кожа, синие прожилки пульсирующих вен, синюшные губы, мерцающие во мраке желтые глаза с вертикальными кошачьими зрачками, царапающие гладкую девичью кожу неровные слюнявые клыки. Низшие вампиры, упыри во всей красе.

Я бы мог пройти мимо, сделав вид, что ничего не вижу. Они бы не стали убивать девушку прямо здесь. И не похоже, что они собирались тащить её к себе в нору. Скорее всего, немного позабавятся, попьют на дурнину свежей крови, и уберутся восвояси. А девчонка очнётся через часик-другой с сильнейшей головной болью, слабостью во всём теле и множеством непонятных быстрозаживающих ранок. Она ничего не будет помнить и никогда не узнает, что стала жертвой упырей. Не самый плачевный итог после встречи с этими тварями. Правда, пока она будет валяться на обшарпанных ступеньках, вполне возможно, что её карманы и сумочку обнесут мелкие воришки, постоянно отирающиеся в подземных переходах. Что ещё? Девочка могла застудить себе кое-что интересное, продуваемая сквозняком на сыром бетоне. Девчонку могли изнасиловать, пользуясь её бессознательным положением. Могли загрести появившиеся как всегда «вовремя» доблестные полицейские для выяснения личности, ошибочно приняв её за проститутку.... Да мало ли что могло произойти за два часа!

В общем, я резко тормознул, вместо того, чтобы прикинуться рядовым трудягой, и подошёл к томящимся от страсти низшим.

– Добрый вечер, – поздоровался я, не вынимая рук из карманов пальто. – Вы не подскажете, который час?

А что я, по-вашему, должен был у них спрашивать? Как пройти в библиотеку, в шестом часу позднего осеннего вечера? Сразу же бить в морду я посчитал излишне прямолинейно и невежливо.

Два упыря никак не отреагировали на мой невинный вопрос, продолжая плотоядно облизывать слегка постанывающую девчонку. Третий нехотя повернулся ко мне. Так – обычный парнишка лет двадцати, а на деле иная Тёмная тварь с перекошенной от жажды крови страшной рожей.

– Вали отсюда, мужик, – сразу же посоветовал мне он, отворачиваясь. Его правая ладонь была засунута между ног девушки, у бесстыдно задранного подола короткой юбочки. Похоже, я отвлекал его от важного занятия. Скотина...

– Я спросил, который час, – я позволил себе улыбнуться этому уроду.

Отняв губы от ушка зачарованной девушки, упырь окинул меня раздражённым взглядом. Он, видимо, посчитал, что меня уже и след простыл.

– Я сказал тебе валить отсюда! – отрывисто пролаял «паренёк». Его жёлтые глаза злобно светились. Ещё бы, ему не терпится вонзить в девочку клыки, а тут я никак не желаю «отваливать». Наверно, то же самое чувствует и возбуждённый насильник, когда его стоняют с беспомощной жертвы.

Мимо нас, торопливо стуча каблуками по ступенькам, пробежали две девчонки, вряд ли старше моей мимолётно знакомой студентки. Они старательно не смотрели в нашу сторону и преувеличенно громко разговаривали. Видимо, догадались, что мы тут не погоду обсуждать собрались.

Сгустившийся вокруг нас сумрак выделял белое, как мел, взбешённое лицо низшего. Он никак не мог понять, что мне нужно и почему я всё ещё стою перед ними.

– Я спрашиваю, не слишком ли рано вы вышли на охоту, ребята? – я был сама корректность. – Сильно проголодались, да?

Теперь уже три пары настороженных, налившихся подозрительностью глаз неотрывно смотрели на меня. Похоже, до них наконец-то стало доходить.

– Здесь не Обратная Сторона. И если вы чувствуете себя в нашем мире хозяевами, то это самое большое заблуждение в вашей жизни.

Безвольное, обмякшее тело девушки глухо шлёпнулось на ступеньки. Угрожающе заворчав, упыри двинулись на меня. Они поняли, что я ВИЖУ их, но ещё не осознали, кто я такой на самом деле.

– Ты суёшься, куда не просят, человек, – процедил первый упырь, пытаюсь рассмотреть моё скрытое тенью лицо. – Кто ты?

– Неважно. Достаточно того, что я знаю, кто вы, – сказал я. – Вы жалкие низшие, убогие пародии на истинных вампиров. Трусливые шакалы, подбирающие крохи и вылизывающие ИХ сапоги.

Вот уж чего упыри не любят больше всего, так это сравнения со своими старшими братьями. Будучи им дальними родичами, они во всём уступали Истинным. И это невероятно бесило их. И я это, разумеется, знал.

– Кто ты? – вожак остановился в шаге от меня, тщетно пытаюсь заглянуть мне в глаза и прочесть мои мысли. Пустая трата времени. В моих глазах не было ничего.

– Я тот, кто умеет ходить.

Иногда во мне просыпается чувство юмора, пусть и сомнительного пошиба.

Однако в соображалке этой троице отказать было нельзя. Зашипев, как кубло рассерженных котов, упыри с проклятьями отпрянули от меня, как от прокажённого. Я, не давая им ни малейшего шанса, шагнул следом.

Шайка обзлённых и алчущих крови низших Тёмных опасна, как свора голодных одичавших псов. Для обычных людей. Не для таких, как я. Рванув руки из карманов пальто, я уже сжимал в кулаках по заточенному до игольной остроты серебряному штырю. Один из штырей тут же вонзился под подбородок говорившей со мной твари. Хрустнули, ломаясь, кости нижней челюсти. Наконечник штыря с хлопаньем вошёл в мозг, и голова низшего взорвалась, лопнув

презревшей тыквой. Ошметки мозга и костей забрызгали стены подземного перехода. Часть попала на меня, что нисколько не улучшило моего настроения.

Оставшаяся парочка, не мешкая, прыгнула на меня, горя жаждой мести. Я поймал первого за ворот рубахи, вбил штырь под рёбра и, сместив корпус, швырнул его под своды подземного перехода. В туннеле раздался громкий хлопок, когда грудная клетка упыря вспучилась пузырьём, а сердце взорвалось не хуже гранаты. Я не раз видел, как это происходит, поэтому знаю, о чём говорю.

Последний из шайки, скумекав, что дело пахнет керосином, вознамерился задать стрелкача, оставив месть на потом. Я нагнал его в переходе, когда он почти добежал до открытого канализационного люка, откуда, видимо, они и выбрались на охоту. Туда же я его и отправил вниз головой с переломанной шеей. Установив на место люк, я спецмаркером нанёс на чугунную поверхность Запрещающие руны и с чувством выполненного долга вернулся к постанывающей на ступеньках девушке. Теперь этот ход упырям заказан. Руны им нипочём не преодолеть.

В подземном переходе о низших напоминали две кучки гниющей и истлевающей прямо на глазах плоти. В ноздри ударил смрадный запах разложения, и я машинально задержал дыхание. Некоторые Тёмные после смерти воняют ещё хуже, чем при жизни.

Я нащупал у девушки пульс, оттянул дёргавшееся веко и, удовлетворённо кивнув, поднял её на руки. Очнётся даже раньше, чем я думал. Мне придётся понянчить её всего-то каких-то тридцать минут. С девушкой на руках я опустился под своды подземного перехода. Над головой тускло горели лампочки. Вокруг испускающих желтоватое сияние колб вились вездесущие мошки и прочая гнусь. И что теперь? Тащить её на автобусную остановку? Или лучше переждать здесь, в компании подозрительной ворочающейся под стеной груды тряпья неопределимого цвета? Я сморщил нос. Нет уж. Лучше подняться наверх, на свежий воздух. И плевать я хотел, если кто-нибудь, увидев меня с бесчувственной девушкой на руках, навоображает себе невесть что. Им то всем какое дело, а? Это же город. Населённый людьми. В таком городе никому ни до кого нет дела.

Вита Волкова лежала на постели поверх покрывала, зарывшись вихрастой головой в подушку, и мечтала. Мечтала о том, что, когда она вырастет, то ВСЁ, абсолютно ВСЁ будет по-другому. Не так, как сейчас. Взрослой, она сможет изменить свою жизнь. Осталось только немножко обождать. Вита страстно желала поскорее вырасти. Это стремление было её мечтой и навязчивой идеей. Разумеется, девочка мечтала и о других, более приземлённых и свойственных в её юном возрасте вещах. Она мечтала о том, какой у неё будет муж, о том, сколько у них родится красивых чудесных детей. ... Девочка мечтала о своём доме, где она будет жить вместе с мужем и детьми. Когда-нибудь. Когда она повзрослеет. Её мечта обязательно осуществится.

Она знала, что юность – это недостаток, который очень быстро проходит и все рано или поздно становятся равны. Но в детстве особенно сильно и остро чувствуешь, что на данном этапе жизни никаких-то прав у тебя, собственно говоря, и нет. Ты зависишь от других, слушаешь других, подчиняешься другим. Даже если это твои собственные родители. Особенно, если это твои родители.

Вита приподнялась на локте и посмотрела в задёрнутое узорчатым прозрачным тюлем окно. Воскресный пасмурный день катился к своему завершению, а невидимое за саваном серых туч солнце – к закату. Отвратительная погода. Мерзкая, холодная и сырая. И настроение у Виты было под стать неприветливой осени. Девочка испустила мучительный стон и упала на спину, глядя широко распахнутыми глазами в потолок. Скорей бы начались каникулы. На каникулах можно подольше валяться по утрам в постели, ничего не делать и не ходить в школу. Последний пункт был, пожалуй, наиглавнейшим положительным моментом школьных каникул.

В школе у неё как-то не складывалось... Что? Да всё. Начиная от учёбы и заканчивая отношениями с одноклассниками, точнее с одноклассницами. Вита угрюмо закусилла пухлую нижнюю губку. Училась она не шатко не валко. Преподаватели отмечали, что Вита смышленная и умная девочка, и при желании могла бы стать одной из лучших не только в классе, но и в лицее. Но при желании. А такового у Виты никогда не наблюдалось. Потенциальная золотая медалистка с трудом вытягивала четвёрки и то лишь благодаря тому, что родители ежемесячно платили за её обучение в лицее весьма кругленькую сумму. Вита давно поняла, что этим миром правят деньги. Может, где и по-другому, но только не здесь, и не в её жизни.

Вита перевернулась на живот и, положив острый подбородок на сплетённые кисти рук, стала наблюдать, как по застеленному тёмно-коричневым паласом полу ползёт, шевеля крохотными усиками, маленький жучок с блестящим, отдающим синевой панцирем. Откуда он взялся в её комнате? Так или иначе, девочка здорово завидовала ему. Этот мелкий короед был, по крайней мере, свободным. Он сам распоряжался своей жизнью и мог ползти, куда ему вздумается.

Повторно (или уже в который раз за вечер?) вздохнув, Вита перекатилась на спину и раскинула руки в стороны. Чёрт, и почему выходные всегда так быстро проходят? Почему за воскресеньем всегда наступает понедельник? В её случае этот день был особенно тяжёлым.

В понедельник нужно было снова идти в школу, сидеть сонной мухой за партой под нескончаемый нудный бубнёж преподавателей, и создавать видимость некой заинтересованности происходящим. А на переменах получить очередную порцию шлепков по заднице и настойчивых предложений «пойти сегодня вечером куда-нибудь погулять». Оставалось лишь загадать, кто это будет на сей раз. Многие мальчики весьма многозначительно посматривали на Виту. Некоторые предлагали дружить. Некоторые что «погорячее». Вита стоически игнорировала все предложения до единого. За что её и, мягко сказать, недолюбливали одноклассницы и кое-кто из девчонок постарше. Считали её высокомерной ханжой и стрёмной занудой. А она просто хотела быть самой собой.

Она не хотела целоваться на школьных вечеринках каждый раз с новым мальчиком и не хотела лишаться девственности в четырнадцать лет. Не хотела. Для более серьёзных отношений, способных вылиться в нечто большее, она просто—напросто ещё не доросла. Не повзрослела. А в вероятность любви до гроба между двумя подростками Вита не верила ни на грош. Уж для подобной ерунды она всё-таки достаточно взрослая!

Вита вздохнула. Тихо, жалобно, с тоской. Что-то в моей жизни явно не ладится, подумала она. Нужно что-то менять. Но что? Саму жизнь? Нет, она не способна, пока не способна, мысленно поправила, упрямо набычившись, девочка. Вот дальше, чуть погодя. Всего через каких-то четыре года. Она станет совершеннолетней и... А что потом? Вита боялась загадывать. Но не боялась признаться, что её пугает неопределённость будущего. Она боялась, что родители и в дальнейшем будут диктовать ей свою волю, не считаясь с её ВОСЕМНАДЦАТЬЮ годами. Заставят поступить в институт (отец клятвенно пообещает «всё устроить») учиться дальше. А она не хотела. Хотя... Вита понимала, что через четыре года может измениться очень многое. И она сама. А у изменившегося человека так же меняются и приоритеты, и жизненные позиции. И это её тоже пугало. Она боялась превратиться в кого-то другого. Она хотела вырасти, но не хотела превращаться в другого человека. Она всего-то и хотела жить так, как захочется ей, а не другим.

На глазах девочки выступили невольные слёзы. Шмыгнув носом, Вита крепко обхватила, прижимая к себе, подушку. Зачастую, когда она предавалась мечтам и размышлениям о грядущем, на неё находила грусть, и начинали предательски бежать слёзы.

Иногда Вите казалось, что её никто не любит. Ни одна живая душа в мире. Даже мама с папой. Бывала, что мама смотрела на неё с отрешённым выражением на лице, словно видела свою дочь и не узнавала её. С отцом Вита никогда и не была особенно близка. Он постоянно

пропадал на работе и предпочитал все проблемы решать с помощью денег. Вита иногда задумывалась, а чем для него была женитьба на маме? Брачным контрактом? Прибыльным инвестированием? Любил ли он маму, её? В те редкие дни, когда отец мог себе позволить находиться дома, они с мамой частенько ссорились. Зачастую на ровном месте из-за совершеннейших пустяков. И тогда Вита торопливо убегала в свою комнату и, нервно обкусывая ногти, клялась никогда не повторять родительских ошибок. Она не за что на свете не будет ругаться со своим будущим мужем.

У девочки не было друзей. Так, знакомые. Товарищи, но не друзья. С мальчишками она вообще предпочитала не общаться, а из девчонок на роль подруги ещё как-то подходила Лариса, но и та, как зачастую казалось Вите, общается с ней больше от скуки, когда нечем заняться или не с кем поговорить.

Вита думала, что в ней было нечто, отпугивающее и настораживающее окружающих. Что-то, что мешало ей по-настоящему сблизиться с кем-нибудь и завести надёжных друзей. Вита считала себя особенной, немного странной, не из мира сего. И отчасти она была права. К удивлению родителей, она никогда не болела, но при этом не выглядела пышущей здоровьем спортсменкой. Обыкновенная девчонка, стройная и хрупкая, с большими наивными глазами. Вот глаза у неё были необычные: редкого цвета – ярко-зеленые с малюсенькими жёлтыми вкраплениями по всей радужной оболочке. Вита больше ни у кого не видела таких глаз. Мама говорила, что они достались ей от бабушки. Вита неоднократно всматривалась в старые потёртые снимки покойной бабушки, но тщетно. Фотографии были чёрно-белыми. Она искала отдалённое сходство с ней и не находила.

В свои четырнадцать Вита считалась довольно-таки лакомым кусочком. Так считали не только парни. Она не любила вспоминать историю двухмесячной давности, когда познакомилась через интернет с одной симпатичной, милой и весёлой девочкой. Аня была старше её на два года и страдала от одиночества. Как и Вите, ей казалось, что она совершенно одна. Она писала, что отчаянно нуждается в друзьях. После нескольких дней переписки, девочки сошлись во мнении, что у них много общего и что им необходимо встретиться.

Вита надеялась, что Аня станет ей настоящей подругой, близким человеком, которому можно довериться, пред кем можно не стесняться слёз, у которого не стыдно спросить совета...

После школы Вита доехала на маршрутке до Восточного парка, где они договорились встретиться. Аня училась в этом районе в обычной школе, в последнем классе. Она уже ждала её. В жизни Аня оказалась ещё более милой...

Однако у Виты была необычайно сильно развита интуиция. Уже сходя с автобуса, она поняла, что дружба между ними невозможна. Откуда к ней пришло это знание, Вита объяснить не могла. Просто знала и всё. И подставляя щеку для поцелуя, она с горечью понимала, что можно смело разворачиваться и ждать следующего автобуса. Губы Ани настойчиво припали к её щеке и как бы невзначай скользнули к губам. Вита неловко отклонилась, заливаясь смущённой краской. А Аня, как ни в чем не бывало, беззаботно хохоча, схватила её за руку и предложила прогуляться. Августовский денёк выдался тёплым и солнечным, и не было причин отказываться. Аня без умолку болтала, тесно прижимаясь к Вите и не выпуская из руки её вспотевшую ладошку.

Как-то незаметно разговор переместился на более личные, даже интимные, темы. Аня призналась, что Вита ей очень нравится и что она хочет познакомить её со своими родителями. И тут же ошарашила новым заявлением, предложив поехать с ними на море. С Аней и её родителями! Аня уверяла, что предки не будут против. Вита впала в ступор, не зная, что и ответить. Всё-таки ей не хотелось обижать Аню.

Полная смятения и раздирающих противоречивых чувств, Вита вернулась домой с горящими после прощального поцелуя Ани губами и пылающими от стыда ушами. А дома её ждал очередной сюрприз – сообщение в скайпе от Ани, что она очень сильно любит её и что всё,

что она сегодня сказала, на самом деле серьёзно. Вита не знала, что ей делать, то ли рассмеяться во всё горло, то ли разрыдаться от бессилия. Вышло нечто среднее. Вытерев выступившие на глазах слёзы, девочка села за компьютер и, поймав за хвост весёлых бесенят, написала в ответ сакраментальное «и я тебя люблю». Должно быть, Аня была просто в шоке, поскольку застрочила с пулемётной скоростью, присылая смайлики, сердечки, воздушные поцелуи и пыльные, полные страсти слова любви и благодарности. Вита с полуистерическим хохотом упала на кровать и хохотала до тех пор, пока в спальню не заглянула мама узнать, что же так развеселило её дочь.

Больше Вита не предпринимала попыток познакомиться с кем-нибудь через интернет. Аню она выкинула из списка контактов и постаралась забыть эту историю как страшный сон.

Ещё одной особенностью Виты было то, что ей никогда не снились кошмары. Она себе и представить не могла, что это такое – ледящий душу и кусающий неокрепшую детскую психику страшный ночной кошмар. Ей казалось это невозможным. Ну как человеку могут сниться всякие ужасы, наподобие Фредди Крюгера из серии знаменитых фильмов? Вита долгое время думала, что её просто запугивают, мол, не будешь слушаться – и тебе та-а-акое приснится... Многим позже она поняла, что дело в ней самой. Просто она была особенной. Может быть, даже ненормальной. Настолько отталкивающей, что её старались избегать даже плохие сны.

Вите снились её мечты и желания. А в мечтах нет места кошмарам и злу.

Вита скрупулёзно уставилась на отполированные ногти. Она давно перестала их грызть. Но по-прежнему, всякий раз, как намечался очередной семейный скандал, пряталась в спальне, в своём убежище от реальных земных кошмаров.

Девочка вытянула ноги и повернулась на бок, подложив ладошку под щеку. Мечты, грёзы, желания... Это всё, что у неё есть.

Она и не заметила, как заснула.

Понедельник воистину оказался днём тяжёлым. Впрочем, Вита иного и не ожидала от этого, самого нелюбимого ею дня недели. Уроки тянулись невыносимо долго. Сумрачная и дождливая погода только усугубляли царившую в классах атмосферу обречённой безысходности. Вита то и дело зевала, низко склоняясь над учебниками. Непослушная чёлка русских волос падала на глаза, что девочке нисколько не мешало. Она и не думала сосредотачиваться на написанном в книге.

Спину Виты буквально обжигал взгляд сидящего позади неё Андрея. Вита знала, что нравится ему и что его взгляд обшаривает её с головы до пят, задерживаясь в основном на уровне поясицы и бёдер. В принципе, ей было абсолютно всё равно. Пожалуйста, пусть хоть глаза сотрёт, она за просмотр деньги не берёт. Единственное, что девочке не нравилось, так это похотливый маслянистый оттенок, проявляющийся в глазах Андрея, когда он слишком долго на неё смотрел.

На неё многие мальчики ТАК смотрели. А вот девочки (за редким исключением вроде Ани) смотрели совершенно по-другому. Например, как сидящие за соседней партой Вероника и Яна, неразлучная парочка, первые красавицы в классе. И по совместительству две наипервейшие стервы. Но это мнение Виты было сугубо личным и она не спешила доводить его до сознания широкой общественности. И сейчас они то и дело посматривали на Виту, о чём-то тихо перешушукиваясь меж собой и периодически хихикая в кулачок. Вид при этом у них был чрезвычайно загадочным. Вита ещё ниже склонилась над учебником, жалея, что у неё короткие волосы. Будь у неё роскошная шевелюра, как у той же Вероники, падающие на лицо волосы непроницаемой стеной закрывали бы её. И никто бы не видел, как она неудержимо краснеет.

Вита ненавидела взгляды подобные тем, что бросали на неё Вероника с Яной. И если в глазах Андрея проскальзывала похоть, то взгляды девочек были взглядами плотоядных хищников.

Наверняка уже задумали какую-то пакость. Вите зачастую выпадала сомнительная честь служить объектом насмешек со стороны этих красоток. Самое забавное было то, что в начальных классах её никто не доставал, и она прекрасно ладила со всеми, в том числе и с Вероникой и с Яной. Но, взрослее, они стали меняться.

Возможно, они меня не переваривают, потому что я не такая как они, мрачно думала Вита, ради разнообразия пытаюсь сосредоточиться на написанном в учебнике тексте. Но буквы упрямо разбегались и расплывались у неё перед глазами. Занудный голос преподавательницы, вещающий о развитии и становлении средневекового строя, доносился, словно через вату, как бы из другой, отдалённой от нашей, реальности.

Я не такая, как они, да. Я не крашусь, стараюсь быть одной из тысяч бестолковых куколок Барби. Я не восторгаюсь достижениями современной моды. Я не слушаю льющийся с радиоволн попсовый шлак. Я не хочу идти в поводу чужому мнению, лишь бы быть как все. Не хочу. Не хочу! Вита не заметила, как прикусила губу. На страницу учебника упала, разбившись маленькой кляксой, ярко-алая капля крови.

Девочка мысленно выругалась, грязно и крайне нецензурно. Она бы никогда не позволила себе произнести такие слова вслух.

Вслед за первой капелькой сорвалась вторая. Вита повторила ругательство и поспешно облизала губы, смахивая языком выступившую кровь. Она почувствовала, как уши запылали обжигающим жаром. Вытащив из кармана джинсов носовой платочек и приложив к губам, подняла руку.

Замолчав, учительница вопросительно посмотрела на Виту.

– Можно выйти? – приглушенно буркнула Вита, не отнимая платочка от посолоневших губ.

– Да, конечно, Волкова. Постарайся не задерживаться надолго.

Благодарно кивнув, Вита вскочила и направилась к двери. Вслед ей донеслась сказанная нарочито ехидным голосом язвительная и обидная реплика:

– Вау, да у неё менструация изо рта пошла!

Вита даже не обернулась посмотреть, кто произнёс, даже прошептал, так, чтобы училка не услышала, эти слова. На подобную мерзость способна одна Вероника.

Но обиднее этих слов был зародившийся в полусонном классе смех. Многие услышали брошенную Вероникой фразу.

– Я сказала что-то смешное? Ничего, когда подойдём к домашнему заданию, смеяться буду я...

Притворив за собой дверь, обрывая на полуслове голос преподавателя, Вита медленно побрела по коридору. Она никуда не спешила и собиралась проторчать в туалете до самого звонка на перемену.

Пока Вита добралась до уборной, кровь перестала сочиться. Тщательно прополоскав рот и убедившись, что ранка не слишком глубокая, девочка застирала платочек и, досуха выжав, внимательно посмотрела на своё отражение в зеркале.

Что во мне такого, что создаёт мне же кучу проблем, спросила Вита у глядевшей на неё симпатичной большеглазой девочки с коротко стриженными светло русыми волосами.

Чем я отличаюсь от других? Почему одни ненавидят меня, а другие хотят... Трахнуть? Обладать мною? Я далеко не красавица и нет во мне внешне ничего такого, что могло бы сводить с ума.

Я – это всего лишь я.

Посмотрев на наручные часики (подарок мамы на восьмое марта), Вита вышла из туалета аккуратно с пронзительно заголосившим звонком. Тот час пустынные коридоры лица наполнились шумом хлопающих дверей, топотом ног и гулом десятков возбуждённых детских голосов.

– Scho-o-ol out, – невольно улыбнувшись, тихонько под нос пропела Вита.

Стараясь не встречаться ни с кем глазами, девочка, ссутулившись, побрела обратно в класс. Пока она шла, её три раза ущипнули за задницу, один раз как бы невзначай толкнули, успев мимоходом провести раскрытой пятернёй по груди, и раз наступили на ногу, не исключено, что действительно нечаянно.

В опустевшем классе её поджидала очередная подлянка, словно призванная окончательно испортить настроение и превратить понедельник в Самый Тяжёлый День её жизни.

На её парте кто-то розовой губной помадой вывел слово «сосалка». Вита медленно опустилась на стул, не сводя заблестевших глаз с пошлой, вызывающей и обидной до слёз надписи. Сглотнув, Вита влажным платочком начала лихорадочно стирать эту розовую гнусность, размазывая помаду по лакированной поверхности парты.

Когда-нибудь, когда-нибудь всё изменится, едва шевеля губами, шептала девочка, остервенело елозя платочком. Когда я стану взрослой, изменится всё. Я сама буду решать, как мне жить и как поступать. И я никому не позволю издеваться над собой. Когда-нибудь... А почему не сейчас? Не сию же минуту, чтобы больше никому неповадно было? Ни Веронике, ни Яне, ни им подобным?..

Вита замерла. Почему она всё время думает о том, что сделает ПОТОМ? Почему все её мечты витают в далёком будущем? Почему она СЕЙЧАС ничего не предпринимает, чтобы доказать всем, что она действительно особенная?!

Ну что же ты, рохля? Чего ты боишься?

Сердце Виты учащённо забилося.

Я боюсь.

Я боюсь того, что скажут родители. Я боюсь, как отреагируют окружающие. Я боюсь постоять за себя. И это правда.

Я трусиха.

Но когда-нибудь ЭТО прекратится. Когда-нибудь я разорву этот круг.

Вита настолько плотно сжала зубы, что испугалась, как бы ни раскрошилась эмаль.

Я всем докажу, пусть для этого мне и придётся совершить невозможное.

Всего-то осуществить свои мечты.

Я связался с Сэмом и уточнил последние детали намечающегося дельца. Право слово, до чего же мне хотелось услышать полный разочарования голос моего агента, скорбно поведавшего, что, мол, сделка отменяется. Сорвалась. Не сошлись в цене, Стормвуд решил воспользоваться услугами другого Ходящего, вспомнил, что у него не счесть забот и хлопот... Да мало ли что! В жизни всякое бывает. Но моим тайным подспудным желанием осуществиться было не дано. Плохо сдерживающий веселье Сэм елейным тоном сообщил, что всё идёт согласно плану, последние условия оговорены и одобрены и этой же ночью я должен начать операцию.

Едва сдерживаясь, чтобы не выругаться, я отключил телефон и в бессилии всплеснул руками. Чёрт, да как же мне не хотелось браться за это! Ну вот что-то не тянуло меня похищать девчонку, пусть и ради её же блага. Как не крути, а будучи дочерью одного из баронов (будем и далее считать, что тёплое кресло Большого начальника уже под задом у Стормвуда), она будет жить припеваючи, одним мановением мизинчика отбирая из длинной шеренги выстроившихся в порядке очереди принцев наиболее понравившихся. Отличные перспективы, безоблачное радужное будущее, высокое положение в обществе. Да миллионы девчонок на её месте с радостью убежали бы хоть на край света и ради одной трети заманчиво маячивших на горизонте подобных благ.

Чего я трясусь то? Ну да, Обратная Сторона – это не край света, а просто не представить себе, на сколько до хрена дальше! Но ведь и Вита наполовину жительница Обратной Стороны. Она даже не совсем человек, если уж говорить до конца. В её жилах течёт кровь сотен поколений Города Погибших Королей, пусть и разбавленная кровью Внешнего мира. Она возвраща-

ется домой. К отцу. К своему настоящему отцу. К прекрасному будущему и шикарной жизни. И на Обратной Стороне живут люди. И некоторые живут просто замечательно. Я же просто добрейший самаритянин какой-то, выходит! Из-за чего переживать?!. Не на заклятие же я её веду, в конце-то концов!

Да, всё так и никак иначе, но всё равно некий маленький назойливый червячок сомнения и неуверенности подтачивал меня, грыз, и мешал спокойно спать. Не хотел я браться за эту работу. НЕ ХОТЕЛ. Сэму то что.... Он никогда не рисковал своей драгоценной липовой шкурой. Подозреваю, что на одних только процентах от всевозможных сделок он уже столько насшибал деньжищ, что давно мог бы преспокойно удалиться на покой, на заслуженный отдых. Обманники живут раза в три дольше обычного человека. Представляете, сколько он успел про- вернуть махинаций?

Всегда рисковал я. Но нынче дело и не в риске вовсе, а.... В моей совести что ли? Да нет, не похоже. Я так же никогда не отказывался от денег. И с точки зрения законов никаких преступных деяний не совершал и сейчас не совершу. То, что у нас назовут киднепингом, на Обратной Стороне сочтут торжеством справедливости. И в дополнение к солидной сумме монет мне с огромной благодарностью пожмут лапу, и глядишь, пожалуют какой орденом или медальку. Я всегда рассуждал прагматично. Наверно, всё дело было в том.... В том, что я...

Я боялся. Вот так вот. Я просто-напросто испугался, как последний трус. И знаете, чего я боялся больше всего?

Больше всего я боялся Виты. Я не знал, как она отреагирует на происходящее, но склонялся к тому, что ничего хорошего мне от неё ждать не придётся. И вполне заслуженно. А вы бы как отреагировали, если бы вас ночью сонного выдернули из постели, велели собратиться и сказали, что забирают вас в другой (не скажу, что лучший) мир?! Я бы первый посоветовал незваному гостю обратиться к психиатру...

Но не подумайте, что я боялся схлопотать от девчонки заточку в бок. Нет, конечно. Я боялся конкретно её. Я просто ума приложить не мог, что буду с ней делать все те дни, что займёт путешествие на Обратную Сторону и дальше к конечному пункту назначения в одном из Больших Городов. Что я буду, скажите на милость, с ней делать? О чём говорить? Да я представления не имел, как себя вести с четырнадцатилетними девочками!

Я был просто в ужасе от возможных трудностей, которые, я чувствовал, обязательно возникнут у меня с этой Витой. Да она же может просто рехнуться от происходящего. Я никогда не переводил на Обратную Сторону несведущих людей. А тут не только абсолютно «слепой» клиент, так ещё и ребёнок, и вдобавок ко всему девчонка! Право слово, с пацаном было бы намного проще всё уладить. Но с современной малолеткой женского пола? Увольте! Уж лучше сцепиться с десятком Бесноватых ведьм, чем с одной несовершеннолетней девочкой.

Что-то не везёт мне в последнее время. Как бы кто не сглазил. К последнему предположению я отнёсся совершенно серьёзно, без лишней иронии. Когда тесно соприкасаешься с Обратной Стороной, ещё и не то возможно. Так что мысль о Тёмном глазе нужно взять на заметку. Уж не успела ли меня проклясть последняя Бесноватая, перед тем, как я отчекрыжил ей голову? Да нет вроде. К тому моменту крупный заряд каменной соли вышиб её из тела девочки ко всем чертям обратно в ад. Я враз помрачнел. Голову то я отрубил не ведьме. Стрелял, да, в ведьму, а обезглавил ребёнка, маленькую невинную сестрёнку Корина.

У меня невольно дёрнулось веко, и заныли все зубы. Не очень приятные воспоминания, доложу я вам. Не клеится у меня с детьми. Совсем не клеится. Не умею я с ними общаться. Нет у меня тяги к отцовству. Вытирать сопли и подтирать попу это не для меня, поверьте.

Однако делать нечего. Ничего другого мне и не остаётся. Такую профессию, как мою, не выбирают. Тут либо можешь, либо нет. Я мог. Умел многое из того, что недоступно другим, и что обычные люди и представить себе не в состоянии. Не скажу, что испытывал особый кайф

от осознания своей уникальности. Совсем даже наоборот. Иногда я проклинал свой дар. Он мешал мне. Мешал мне жить так, как я хотел.

Сейчас по большей части я живу в угоду другим. Так, как выгодно кому-то. Как хочет кто-то. И меня никто не спрашивал. Я Ходящий. И этим всё сказано.

Вита проснулась, и некоторое время лежала, затаившись, как мышка. Она не двигалась и почти не дышала. Сердце учащённо колотилось. А вспотевшие ладони судорожно натягивали до подбородка тонкое одеяло. Страх. Из сна девочку вырвал страх.

В комнате было темно. Тяжёлая портьера, зашторившая окно, отрезала спальню девочки от сияния высыпающих на ночном небе звёзд. Тонкий улыбчивый месяц напрасно пытался заглянуть в комнату. Вита любила спать в полной темноте. Но сейчас, когда скопившийся сумрак окутывал её со всех сторон, Вита впервые пожалела о своей привычке. Ей было страшно. Она проснулась и не могла ничего понять.

Ей снился чудесный, полный восторга и волшебства сон, один из многих, что часто приходили к ней по ночам из царства мечтаний. Ей снились неведомые страны и таинственные леса, искрящиеся озёра и ярко-зелёные луга. Ей снились несуществующие миры. И некто, чьи тёплые карие глаза смотрели на неё с любовью и нежностью...

А потом свет померк, погасло солнце, и эти глаза... Они тоже потухли. Виту обуял дикий, перевозданный страх, пронзивший её миллионом ледяных игл, и она проснулась.

Вита, засопев, несколько секунд ворочалась, собираясь с силами. Затем, решившись и, чувствуя себя самоубийцей, сигающим вниз головой с моста, выпрыгнула из тёплой постели. Подбежала на цыпочках к окну, резким движением раздвинула шторы и нырнула обратно под одеяло. Тяжело выдохнув, девочка заставила себя успокоиться. Чтобы на неё не нашло, это всего лишь страх. Ничем не подкреплённый, призрачный и эфемерный. Кроме её страха, в спальне нет никого и ничего, что способно напугать или причинить боль.

Вита заморожено уставилась на залитое тусклым светом ущербного месяца окно. Она впустила ночь в свою комнату. Пригласила её войти. Девочка надеялась, что следом за ночью никто не последует. Ей вполне хватает и собственных страшилок.

Приподняв растрёпанную голову, девочка посмотрела на мерцающие красными цифрами часы на прикроватном столике. Два часа. До утра ещё ой как далеко. По правде говоря, Вита не особенно и хотела скорого наступления рассвета. С рассветом начнётся новый день, с новыми трудностями, проблемами и очередными пакостями. И школу наступление нового дня так же не отменит.

На кухне за завтраком, отец, как обычно, доедая на ходу овсянку, нейтральным тоном поинтересуется успехами дочери в учёбе и спросит, не нужно ли ей денег на карманные расходы. Затем, не дожидаясь ответа, скользнёт губами по маминой шее и, что-то бормоча, спешно ретируется. А они с мамой останутся одни, неловко глядя друг на друга в гнетущем молчании. Мама, кусая губы и отводя глаза, опять пожалуется на папину загруженность на работе и спросит, как ей, в общем-то, спалось этой ночью? И всё ли у неё в порядке?

Вита ненавидела семейные завтраки.

Снова вздохнув, девочка вытянулась в струнку, с наслаждением шевеля пальцами ног. Охвативший её страх начал понемногу рассеиваться в наводнивших комнату сумерках. Со страхом отступали вызванные грядущим днем волнения и тревоги.

Покосившись на запертую дверь, Вита залезла под одеяло с головой и повернулась на бочок. Некоторое время назад она нашла один надёжный способ бороться с дурными мыслями и волнениями. Способ действенный, очень приятный и... несколько преступный. Так, во всяком случае, считала Вита. Занимаясь ЭТИМ, она чувствовала себя чертовски пошлой и распутной. С одной стороны ЭТО ей нравилось, с другой она сгорала со стыда. Поэтому и предпочитала заниматься ЭТИМ глубокой ночью, когда родители спят. Вита представить

себя не могла, занимающейся ЭТИМ, когда в соседней комнате мама смотрит телевизор, а отец работает за компьютером!

Ночью другое дело.

Вслух Вита боялась даже произнести это горячее и обжигающее слово – мастурбация. Про себя же произносила его неоднократно, смакуя и вертя на кончике языка так и эдак. Спроси кто у неё, мастурбирует ли она, и Вита, округлив от праведного возмущения свои большие необычные глаза, с чувством попранного достоинства принялась бы доказывать, что нет, никогда и ни за что!

А на деле... На деле она часто давала волю пальцам.

Потом ей всегда было стыдно, и она краснела, как перезрелый помидор.

Но это было ТАК здорово! И так помогало расслабиться...

Вита всегда спала в коротенькой, едва прикрывающей бёдра ночной рубашке и широких свободных, не стесняющих трусиках-шортиках, с успехом заменяющих ей пижамный комплект.

Она с придыханием провела ладошкой по гладкому животу и ниже, поддевая пальцами резинку трусиков. Рука Виты скользнула по поросшему мягкими шелковистыми волосиками лобку и... Девочку выгнуло в сладостной судороге, когда пальцы коснулись нижних губок. Она глухо застонала от наслаждения, лаская себя и постепенно наращивая темп движений. Вита свернулась калачиком, закусив изнутри щёку. Ей бы не хотелось, чтобы на её стоны в спальню начала ломиться мама, спрашивая, что случилось. Вита сунула между ног и вторую ладошку, зарываясь лицом в подушку. Под одеялом стало жарко, она вспотела, но ни на секунду не прекращала орудовать пальцами.

В промежности Виты было жарко как в печке, а спустя ещё некоторое время стало влажно и, не сдержав особенно громкого стоны, девочка вцепилась зубами в наволочку. На неё накатила волна всеподавляющего наслаждения и, несколько раз дёрнувшись, как в припадке, Вита высунулась из-под одеяла, хватая пересохшим ртом воздух. Блаженно улыбаясь от счастья, девочка откинула одеяло и, поправив сползшие трусики, жмурясь, как довольная кошка, перевернулась на другой бок, лицом к окну.

Счастливую улыбку Виты как ветром сдуло, в голове разом ударила тысяча молотов, а весь скопившийся в низу живота жар огненным вихрем тревоги и паники рванулся к сердцу.

За окном, на фоне звёзд и ночного неба, кто-то был. Кто-то сидел на карнизе и смотрел на неё.

Чёрная, сотканная из тьмы фигура. То, что пришло вслед за ночью. Какой-то человек.

И этот кто-то, возможно, видел, ЧЕМ она занималась под одеялом.

Уши Виты едва не расплавились от стыда. Но...

Шестой этаж! Они жили на шестом этаже!

Фигура сидящего за стеклом на уступе карниза человека пошевелилась, и окно без малейшего шума растворилось, пропуская в спальню Виты ночной стылый холод. Тёмная фигура перебралась внутрь. Окно закрылось. Незванный ночной гость, как ни в чём не бывало, привалился спиной к стеклу, не слезая с подоконника, и забросил ногу на ногу.

Вита понимала, что происходит нечто из ряда вон выходящее. Какой-то бред! Дурной сон. Того, что она сейчас видела, просто не могло быть! А может, она до сих пор спит? Девочка сильно ущипнула себя за ладонь и невольно вскрикнула. Боль была вполне реальной. Настоящей. Значит...

– Да не спишь ты, не спишь. Не щипай себя, а то синяки останутся.

Он с ней заговорил! Она не спит!

И тут уж, более не в силах сдерживаться, Вита завизжала. Визг получился отменным, пронзительным, звонким и чрезвычайно громким. На такой крик должны сбежаться все

жильцы дома, не иначе. Визг девочки был способен поднять из могил мёртвых. Но не проникнуть за пределы её комнаты.

– Да не ори ты, глупая, всё равно никто не услышит. Поверь.

Скалолаз из меня, конечно, посредственный, но взобраться по усеянной кондиционерами и кронштейнами спутниковых антенн стене на высоту шестого этажа я в состоянии. Проникнуть в нужную мне квартиру через закрытое окно и вовсе плёвое дело. Простейшее заклинание и почти любое окно угодливо скажет мне «привет». Ну а дальше и вовсе дело грубой техники: наложить на комнату заклятие Абсолютной тишины и никто не услышит, что происходит внутри, хоть гранату взорви.

Способ я выбрал довольно экстремальный и вычурный. Проще говоря, попахивало выпендрёжем и некоторым пижонством. Я примерно представлял, как выглядит моё эффектное появление на карнизе среди ночи для посторонних глаз. Вот только я никак не ожидал, что эти глаза будут. А они были, всю смотрели на меня с изумлением и страхом. Глаза с Обратной Стороны. И если у меня ещё оставались сомнения по поводу истинного происхождения Виты Волковой, то они исчезли напрочь, стоило мне встретиться с ней взглядом. У простой девочки таких глаз быть не может. Ярко-зелёные, светящиеся в сумраке спальни двумя колдовскими фонариками, с россыпью желтоватых крапинок по всей радужной оболочке. Глаза другого мира.

Орала девочка знатно. Её пронзительный истошный визг сделал бы честь и баньши. У меня болезненно заныли зубы, тут же захотелось сунуть голову куда-нибудь, где тихо и спокойно. В землю, например, как страус. К сожалению, заклятие Абсолютной тишины не ограждало меня от диких воплей этой взъерошенной мелкой фурии. Разве я не сказал ей, что кричать бесполезно? Хотя бьюсь об заклад, что хрен она меня услышала...

В принципе, я её отлично понимаю. Ну, вы представьте ситуацию – в два часа ночи к вам в спальню с улицы вваливается какой-то подозрительный, одетый во всё чёрное тип в длинном плаще, с мрачной физиономией и уговаривает не кричать. Какова картинка? И не поймёшь, куда и звонить-то в первую очередь, в полицию или в психушку! На месте Виты кто-угодно испугался бы и стал орать. Я бы и сам, наверно, офигел при иных обстоятельствах.

Вопрос в другом. Почему Вита не спала в два часа ночи, когда я бесплотной ночной тенью собирался десантироваться в её уютном тёплом гнёздышке? И, скажу вам, я теперь понял, чем склонны заниматься по ночам девочки её возраста. Не скажу, что увиденное привело меня в бурный восторг. Как раз наоборот, захотелось залиться алым цветом и стыдливо отвернуться в сторону, извинившись, что ошибся адресом. Ну, Сэм, ну твою мать, спасибо тебе огромное... И это только начало, господа.

Тем временем, пока я предавался невесёлым размышлениям, разместившись на подоконнике и закинув ногу на ногу, Вита окончательно выдохлась.

Она сидела на кровати, завернувшись по горло в одеяло, и тряслась как заячий хвостик, не сводя с меня перепуганных глазниц, отслеживая каждое моё движение. Бедная девочка, мне даже стало как-то неловко за себя. Её тяжёлое хриплое дыхание прокалывало наступившую тишину и почему-то напомнило мне урчание кошки.

– Кто вы такой? И что делаете в моей комнате? И как вы вошли внутрь?! – Вита смотрела на меня агрессивным волчонком. Такого и не пытайся погладить по шерстке. Вмиг останешься без пальцев. – Сейчас прибегут мои родители и вам не поздоровиться!

– А я по-другому думаю. Я думаю, что если бы они заподозрили, что в твоей комнате происходит неладное, то уже давно были бы здесь. Но их нет. Потому что твоих воплей никто не слышал. И дверь, добавлю, не откроется, пока я не захочу. Мы с тобой совершенно одни и в полной изоляции. Я бы не хотел, чтобы нашей приватной беседе кто-нибудь помешал, Вита.

– Вы что, Гарри Гудини? – пренебрежительно, с вызовом фыркнула девочка и тут же осеклась. Её глаза стали совершенно круглые. – Откуда вы знаете моё имя? Что, в конце концов, происходит?..

Умница ты моя, мысленно похвалили я Виту. Сразу видно белую кость Обратной Стороны. Она уже почти полностью пришла в себя и обрела способность здраво рассуждать и задавать правильные вопросы. Что ж, тем проще и лучше для меня. С утопающей в слезах и соплях воющей истеричкой пришлось бы гораздо сложнее.

– Я знаю не только твоё имя, Вита, но и многое другое, – я пригладил распушенные по плечам волосы. – О тебе.

– Обо мне? – Вита почувствовал себя явно неуютно, и заёрзала на постели, отгораживаясь от меня тонким одеяльцем, словно это был железобетонный бруствер.

– Именно. Мне известно многое, о чём ты и не догадываешься. Например, о том, кто ты на самом деле.

– Я знаю, кто я! – девчонка воинственно задрала подбородок, кутаясь в одеяло, как казакий атаман в овечью бурку. – А вот своё имя вы пока так и не назвали!

Я кисло скривился. Ну всё, началось помаленьку... Пигалице палец в рот точно не клади.

– Меня зовут Эрик Кроу по прозвищу Молот Ведьм, – представился я по полной программе, с интересом наблюдая, как у девчонки глаза чуть не убежали на лоб. – А ты думаешь, что тебя зовут Вита Волкова.

– Вы не очень похожи на комедианта. А говорите довольно нелепые и смешные вещи, – однако по растерянному виду девочки не было похоже, что ей особенно смешно. – Я знаю, что я это я, не больше, ну и не меньше!

Её гордый и пронзительный взгляд пробрал меня до печёнок. Нет, ну вылитая баронесса Города Погибших Королей. Ох, грехи мои тяжкие... Как же мне это всё не нравится!

Я спрыгнул с подоконника и развязано плюхнулся в вертящееся кресло у заставленного учебниками и не подающим идентификации хламом письменного стола. Вита грозно нахмурила тонкие брови, с неодобрением посмотрев на мои сапоги.

– Спору нет, ты это ты, – я склонил голову набок, изучая белеющее в полутьме лицо девочки. Она была красива. Большие глаза, тонкий изящный нос, волевая линия подбородка, полные губы и озорная короткая причёска. Её растрёпанные волосы торчали во все стороны, и сейчас она напоминала взъерошенного ершистого воробышка.

– Но твоя фамилия не Волкова, – я был непреклонен и безжалостен, да и не было у меня времени с ней долго рассусоливать. Кто другой на моём месте уже паковал бы её в мешок, а я ещё пытаюсь как-то по-человечески, чтоб не сильно травмировать...

Она так и осела. Как будто я ударил её. Странно... Такое ощущение, что подспудно, где-то на уровне подсознания, в глубине души она не исключала подобного варианта. Как будто она о подобном догадывалась. Кто знает, может, так оно всё и было. Я присмотрелся к её глазам повнимательней. Комнатные сумерки не смогли мне помешать увидеть на самом доньшке этих необычных чудных глаз затаённые печаль, тоску и вечные, задаваемые самой себе вопросы. А ещё я увидел в них мечты и грёзы. Эта четырнадцатилетняя девочка неисправимая мечтательница и романтик, и очень несчастная вместе с тем особа. И, как мне показалось, я почти догадался, почему.

Внешний мир. Он отторгает её. Или она сама неосознанно отделяется, неважно. Важно лишь то, что она постоянно ищет что-то, что сможет изменить её и её жизнь. То, что изгонит из сердца боль и тоску. Эта девочка всё время ищет себя. Она ищет Обратную Сторону.

– С чего вы взяли, что я должна вам верить?

– Ты мне ничего не должна, – покачал я головой. – Это тебе задолжали. И ты не представляешь, насколько много. На каждый день из твоих четырнадцати лет.

– Кто? – нижняя губка Вита задрожала. Чёрт, похоже, слёз всё-таки не избежать.

– Твой отец. Твой настоящий отец. Джулиус Стормвуд, член союза Четырёх, почти Барон. Ты его дочь, Вита. Незаконнорожденная и брошенная во Внешнем мире дочь. Ты почти баронесса Города Погибших Королей. Твой настоящий дом не здесь, не среди этих четырёх гнетущих и душачих тебя стен. Твоя Родина – Обратная Сторона. И я заберу тебя туда. Я отвезу тебя домой, Вита.

Как вы думаете, что сделал эта девчонка после всего мною сказанного? Не догадываетесь? Эта чертовка просто повалилась на кровать и истерически расхохоталась. Из её глаз потекли слёзы. Я сконфуженно подпёр сжатым кулаком гладкий, выбритый по случаю подбородок. Чувствовал я себя совершеннейшим дураком.

Пусть смеётся. После обязательно полегчает. Я меж тем осмотрелся. Ничего особо необычного или занимательного в спальне Виты я не увидел, не считая прятавшегося под кроватью наострившего уши домового. Косматый, похожий на потешного медвежонка, Хозяин с немалым любопытством ловил каждое слово, и с большим сомнением косился на меня из-под свисающей с кровати простыни. Его большие, как плоски, жёлтые глаза загадочно мерцали в темноте. Он никак не мог допереть, что я его вижу.

Отсмеявшись и часто икая, Вита нарочито громко и развязано сказала:

– Ух ты, просто класс! Подумать только, я наследная принцесса какого-то там города. Нет, берите больше, целого мира! Ха-ха! Вам самим не смешно? Что вы мне лапшу вешаете? Убирайтесь вон из моей комнаты, пока я не вызвала полицию!

Последние слова она выкрикнула, выпрямившись на кровати, откинув одеяло и сжимая кулачки. В ночнушке и прикрывающих бёдра трусах она смотрелась очень забавно, о чём я не переминул сказать, чем сразу же охладил её разгоревшийся самурайский пыл. Надувшись, Вита сложила руки на груди и ошпарила меня взглядом раскалившихся глаз. Домовой под кроватью что-то одобрительно заворчал, видимо, полностью поддерживая девочку. Я скептически изогнул бровь.

– На твоём месте я бы тоже не поверил, Вита, – сказал я. – Но я пришёл не с пустыми руками. Ты мне поверишь, обязательно. Тебе нужны доказательства? Что-то более весомое, чем погружившаяся в непроницаемую тишину комната и моё появление?

– Будьте так добры, – в улыбке девочки не было ни капли веселья.

– Например, я знаю, что тебе никогда не снятся кошмары. И я знаю, почему.

– Почему? – вырвалось у неё. Она вся обратилась в слух. Я рассмеялся и Вита, поняв, что попала на мою удочку, что-то тихо буркнула под нос. Жаль, что слышу я намного хуже, чем вижу.

– Кошмары приходят к нам с Обратной Стороны. Они не трогают тебя, потому что чувствуют родство с тобой. На Обратной Стороне кошмары обитают в Городе Магических Искусств. Ими управляет колдуны из Магистрата. Это я так, для общей информации.

– Бред какой-то, – выдохнула Вита, меняясь в лице. – Зачем вы мне всё это рассказываете? Что вам от меня надо? Вы хотите похитить меня? Мой отец вполне состоятельный человек...

– Перестань, – мягко сказал я. – Признайся, ты же понимаешь, что я не лгу тебе. Ты знаешь это. Не знаешь почему, но знаешь. И ты веришь мне. Ты поверила в меня, как только я возник на карнизе твоего окна. Вита, ты всю жизнь верила в сказки, ты всю жизнь мечтала о чуде. И теперь, когда сказка готова стать частью тебя, ты идёшь на попятную?

Она жалобно посмотрела на меня, прикрыв обеими ладошками рот. Я виновато опустил веки.

– Вита, люди, воспитавшие тебя, не родные тебе. Без сомнения, они достойны уважения и, безусловно, ты любишь их, а они тебя, но твоё место не здесь...

– Вы что-то говорили о доказательствах, – жёстко оборвала меня Вита. Её скулы заострились, а глаза не отрываясь, буквально расстреливали меня. – Я хочу поверить. Но я хочу

поверить в реальный мир, а не в плод чьего-то больного воображения. Покажите мне сказку, господин Кроу! Я хочу увидеть волшебство. Если оно существует, то я желаю прикоснуться к нему. Ну же!..

– Нет ничего проще, – с видом опытного фокусника я встал на ноги и подошёл к ней. Опустился на корточки и подмигнул. – Ты хотела чего-то необычного? Волшебства?

– Да, – заморожённая моими действиями, прошептала Вита. По её глазам я понял, что она действительно этого хочет. Всегда хотела.

Я усмехнулся и, сунув руку под кровать, нагло ухватил за шкуру буквально обалдевшего от подобной фамильярности Хозяина и вытащил наружу. Естественно, Вита не могла в нашем мире видеть его. Для её глаз я держал в пальцах пустоту. До тех пор, пока не шепнул Развешивающее заклятие, и отчаянно дрыгающий ногами и костерящий меня на все лады домовой не предстал перед обомлевшей девочкой во все красе.

– Ч-что ЭТО? – еле выдавила она, невольно отодвигаясь к изголовью кровати.

– Не что, а кто, – педантично поправил я, аккуратно опуская домового на пол и разглаживая ему шерсть на загривке. – Это дух дома, иными словами, домовой. В основном они добрые и славные малые. Бывают, конечно, среди них и скандальные типы, но вам повезло. Ваш Хозяин на редкость отличный парень. И готов стоять за тебя горой.

От моей похвалы готовый поначалу сожрать меня с потрохами домовой как-то сразу приосанился и скромно потупился. Осмелевшая Вита подалась вперёд, к краю постели и смотрела на него во все глаза.

– Ну чем тебе не чудо, а? Не желаешь к нему прикоснуться?

Возведённый мною в ранг «чуда» домовой досадливо крякнул и встопорщил шерсть. Думаю, он бы и хвост распушил, имей он его. Я одарил Хозяина одним из своих фирменных взглядов, дающих понять, что я более чем оправдываю данное мне молвой прозвище. Домовой уяснил, что парень я серьёзный, к шуткам не предрасположенный, и поспешно мигнул жёлтыми глазищами. Дескать, никаких выкрутасов. Ну, вот и отлично, рад, что мы с ним сразу лададили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.